P 54/300

ПЕРВИНКА
ДРУГАЯ.

P 54/300

P 54/300

201-91
11539-0

ПЕРВИНКА ДРУГАЯ.

ВНУКЪ ГРАМОТѢЙКѢ

съ

НЕГРАМОТНОЮ БРАТІЕЮ.

СКАЗКИ, ПѢСЕНКИ, ИГРЫ.

пересмотрѣно

В. И. Далемъ.

Изданіе третье.

Съ 8 раскрашенными картинами.

ИЗДАНІЕ КНИГОПРОДАВЦА-ТИПОГРАФА М. О. ВОЛЬФА.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ, Гостиный дворъ, №№ 17 и 18.

МОСКВА, Кузнецкій Мостъ, д. Третьякова.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 21 ноября 1879 г.

24586-0

2011110216

Типографія М. О. Вольфа (Спб., Васил. остр., 16 л., д. № 5).

ЛИСА И ЗАЯЦЪ.

Жилъ-былъ въ полѣ сѣренькій Зайчикъ, да жила Лисичка сестричка; вотъ, какъ пошли заморозки, сталъ Зайка линять, а какъ пришла зима студеная, со вьюгой да со снѣжными сугробами, Зайка съ холоду и вовсе побѣлѣлъ, и надумалъ онъ себѣ избу строить: натаскалъ лубочковъ и давай городить хижину да ухичивать ее. Увидала это Лиска и говоритъ:

— Ты, косенькій, что это дѣлаешь?

— Видишь, отъ холоду угрева промышляю, избу строю.

— Вишь какой догадливый, подумала Лиса, давай-ка и я построю избу — только ужь не

лубочный балаганъ, а палаты, хрустальный дворецъ!

Вотъ и принялась она ледъ таскать да избу класть. Обѣ избы поспѣли разомъ, и зажили наши звѣри своими домами. Глядитъ Лиска въ ледяное окошечко, да надъ зайчикомъ посмѣивается: „Вишь, чернолапотникъ, какую лачугу свараксалъ! Толи дѣло моя: и чиста, и свѣтла, ни дать, ни взять хрустальный дворецъ!“ Лисѣ зимою все было хорошо, а какъ пришла весна по зиму, да стала снѣгъ сгонять, землю пригрѣвать, тутъ Лискинъ дворецъ и растаялъ, да водою подъ гору и сбѣжалъ! Какъ Лискѣ безъ дому быть? Вотъ подкараулила она, когда Зайка вышелъ изъ своей избы погулять, подснѣжной травки, заячей-капустки пощипать, прокралась къ зайчину избу и взлѣзла на полати. Пришелъ Зайчикъ, торкнулся въ дверь, заперта; подождалъ маленько и сталъ опять стучаться.

— Кто тамъ? — закричала Лиса толстымъ голосомъ.

— Это я, хозяинъ, сѣрый Зайчикъ, пусти меня, Лисанька.

— Убирайся, не пущу, — отвѣчала Лиса.

Пообождалъ Зайка, да и говоритъ:

— Полно, Лисанька, шутить, пусти, мнѣ ужъ спать хочется.

А Лиса въ отвѣтъ:

— Постой, косой, вотъ какъ я выскочу, да выпрыгну, да пойду тебя трясти, только клочья по вѣтру полетятъ.

Заплакалъ Зайчикъ и пошелъ куда глаза глядятъ; повстрѣчался ему сѣрый Волкъ.

— Здорово, Зайка, о чемъ плачешь, о чемъ горюешь?

— А какъ же мнѣ не тужить, не горевать: была у меня изба лубяная, у Лисы ледяная, Лисья изба растаяла, водой ушла, она мою захватила, да и не пускаетъ меня, хозяина!

— А вотъ постой, сказалъ Волкъ, мы ее выгонимъ!

— Наврядъ ли, Волченька, выгонимъ, она крѣпко засѣла!

— Я не я, коли не выгоню Лису, зарычалъ Волкъ.

Вотъ Зайчикъ обрадовался и пошелъ съ Волкомъ гнать Лису. Пришли.

— Эй, Лиса Патрикѣевна, выбирайся изъ чужой избы, закричалъ Волкъ.

А Лиса ему изъ избы въ отвѣтъ:

— Постой, вотъ какъ слѣзу съ печи, да выскочу, да выпрыгну, да пойду тебя трепать, такъ только клочья по вѣтру полетятъ!

— Ой, ой, какая сердитая! заворчалъ Волкъ, поджалъ хвостъ и убѣжалъ въ лѣсъ, а зайка остался плакать въ полѣ.

Идетъ Быкъ.

— Здорово, Зайка, о чемъ тужишь, о чемъ плачешь?

— А какъ же мнѣ не тужить, какъ не горевать: была у меня изба лубяная, у Лисы ледяная, Лисья изба растаяла, она мою захватила, да вотъ и не пускаетъ меня, хозяина, домой!

— А вотъ постой, сказалъ Быкъ, мы ее выгонимъ.

— Нѣтъ, Быченька, наврядъ выгнать ее, крѣпко засѣла, ужь ее Волкъ гналъ—не выгналъ, и тебѣ, Быку, не выгнать!

— Я не я, коли не выгоню, замычалъ Быкъ.

Зайчикъ обрадовался и пошелъ съ быкомъ выживать Лису. Пришли.

— Эй, Лиса Патрикѣевна, ступай вонъ изъ чужой избы! промычалъ Быкъ.

А Лиса ему въ отвѣтъ:

— Постой, вотъ какъ слѣзу я съ печи, да пойду тебя, Быка, трепать, такъ только клочья по вѣтру полетятъ!

— Ой, ой, какая сердитая, замычалъ Быкъ, закинулъ голову и давай улепетывать.

Зайчикъ сѣлъ подлѣ кочки и заплакалъ.

Вотъ идетъ Мишка Медвѣдь и говоритъ:

— Здорово, косой, о чемъ тужишь, о чемъ плачешь?

— А какъ же мнѣ не тужить, какъ не горевать! была у меня изба лубяная, у Лисы ледяная, лисья изба растаяла, она мою захватила, да и не пускаетъ меня, хозяина, домой!

— А вотъ постой, сказалъ Медвѣдь, мы ее выгонимъ!

— Нѣтъ, Михайла Потапычъ, наврядъ тебѣ ее выгнать, крѣпко засѣла; Волкъ гналъ, не выгналъ, Быкъ гналъ, не выгналъ, и тебѣ не выгнать!

— Я не я, заревѣлъ Медвѣдь, коли не выживу Лису!

Вотъ Зайчикъ обрадовался и пошелъ, попрыгивая, съ Медвѣдемъ гнать Лису. Пришли.

— Эй, Лиса Патрикѣевна, заревѣлъ Мишка, убирайся вонъ изъ чужой избы!

А Лиса ему въ отвѣтъ:

— Постой, Михайла Потапычъ, вотъ какъ слѣзу съ печи, да выскочу, да выпрыгну, да пойду, тебя, косолапаго трепать, такъ только клочья по вѣтру полетятъ.

— У, у, у! какая лютая, заревѣлъ медвѣдь, да и пустился впритруску бѣжать.

Какъ быть Зайцу? Сталъ онъ Лису упрашивать, а Лиса и ухомъ не ведетъ. Вотъ заплакалъ Зайчикъ и пошелъ куда глаза глядятъ и повстрѣчалъ кочета, краснаго пѣтуха, съ саблей на плечѣ.

— Здорово, Зайка, каково поживаешь, о чемъ тужишь, о чемъ плачешь?

— А какъ же мнѣ не тужить, какъ не горевать, коли съ роднаго пепелища сгоняютъ? Была у меня избенка лубяная, а у Лисицы ледяная; лисья изба растаяла, она мою заняла, да и не пускаетъ меня, хозяина, домой!

— А вотъ постой, сказалъ Пѣтухъ, мы ее выгонимъ!

— Врядъ ли, Петинька, выгнать, она больно крѣпко засѣла! Ее Волкъ гналъ, не выгналъ; ее Быкъ гналъ, не выгналъ; Медвѣдь гналъ, не выгналъ; гдѣ ужъ тебѣ совладать!

— Попытаемся, сказалъ Пѣтушокъ, и пошелъ съ Зайцемъ выгонять Лису. Какъ пришли они къ избушкѣ, то пѣтухъ запѣлъ:

Идетъ кочетъ на пятахъ,
Несетъ саблю на плечахъ,
Хочетъ Лиску срубить,
Себѣ шапку сшить:
Выходи, Лиса, пожалѣй себя!

Какъ заслышала Лиса пѣтухову грозу, испугалась, да и говоритъ:

— Подожди, Пѣтушокъ, золотой гребешокъ, шелковая бородка!

А Пѣтухъ кричитъ:

— Кукареку, всю изрублю!

Вотъ Лиса проситъ тоненькимъ маслянымъ голоскомъ:

— Петинька, Пѣтушокъ, пожалѣй старыя косточки, дай шубенку накинуть!

А Пѣтухъ, стоя у двери, знай себѣ кричитъ:

Идетъ кочетъ на пятахъ,
Несетъ саблю на плечахъ,
Хочетъ Лиску срубить,
Себѣ шапку сшить:
Выходи, Лиса, пожалѣй себя,
Не то всю изрублю, искалѣчу тебя!

Нечего дѣлать, некуда дѣваться Лисѣ; пріотворила дверь, да и выскочила, а Пѣтухъ уже стоитъ, поджидаетъ; какъ увидалъ Лису, такъ и зарубилъ ее, мѣхъ взялъ себѣ на зимнюю шапку, а мясо воронамъ кинулъ, самъ же поселился съ Зайчикомъ, и стали они жить да быть, да добро копить.

V КАКЪ УЧАТЪ СТАРОЕ ДОБРО ПОМНИТЬ.

Повадился волкъ въ одну деревню овецъ таскать; овечку утащитъ, всю деревню переполошитъ, за нимъ подымается крикъ, гамъ, вой. День, другой пройдетъ смирно, а тамъ опять слышишь—гдѣ-нибудь бабы воютъ, овцы не досчитываются; еще пройдетъ денька три, сызнова плачъ да брань на волка—барана утащилъ. Вотъ и надумались крестьяне къ помѣщику идти, просить суда и расправы на волка. Помѣщикъ затѣялъ облаву, созвалъ охотниковъ, охотники сѣли на коней и отправились на волка; собачья стая понеслась за ними. Послышавъ лай, волкъ смѣтилъ, кого ищутъ, и ну отъ бѣды прятаться, ну изъ

стороны въ сторону бросаться; выскочилъ изъ лѣсу на проселокъ, видитъ — мужикъ идетъ съ мѣшкомъ, взмолился ему волкъ:

— Мужичекъ, мужичекъ, борода съ локотокъ, спрячь ты меня, схорони ты меня отъ охотниковъ!

— Нѣтъ, волкъ, не спрячу тебя, ты, слышно, у сосѣдей много накуралесилъ, много овецъ перетаскалъ, всю деревню разорилъ!

— Спрячь меня, сказалъ волкъ, я твое добро попомню, самъ тебѣ пригожусь!

Польстился мужикъ на волчій посулъ и говоритъ: „Ну, такъ и быть, полѣзай въ мѣшокъ!“ Вотъ волкъ вскочилъ въ мѣшокъ, свернулся въ комокъ, а мужикъ затянулъ мѣшокъ веревкой, взвалилъ на плеча и пошелъ своей дорогой.

Повстрѣчались ему охотники:

— Мужичекъ, мужичекъ, не видалъ ли ты волка?

— Нѣтъ, не видалъ, сказалъ мужикъ.

Охотники проѣхали, а волкъ спрашиваетъ:

— Что, уѣхали?

— Уѣхали, отвѣчалъ мужикъ.

— И далеко уѣхали?

— Далеко, глазомъ не сягнешь!

— Ну, такъ выпускай меня изъ мѣшка.

Вотъ мужикъ развязалъ мѣшокъ, выпустилъ волка, а волкъ отъ мужика не отстаетъ, идетъ себѣ съ боку, покашивается да зубами пощелкиваетъ. Шли, шли они такъ, вотъ волкъ и говоритъ:

— Мужичекъ, мужичекъ, съѣмъ я тебя!

— Полно, Левонъ Иванычъ, шутки шутить, такъ нехорошо тебя слушать!

— Я не шучу, сказалъ волкъ, а взаправду съѣмъ!

— Какъ же ты меня за мое добро съѣшь, вѣдь я тебя отъ охотниковъ схоронилъ?

— Старое добро не помнится! сказалъ волкъ, и хотѣлъ мужика ѣсть.

Заплакалъ мужичекъ и взмолился:

— Постой, волкъ, не ѣшь меня, я на кого хочешь сошлюсь, что старое добро помнится; вонъ идетъ лошадь, спросимъ ее: коли она скажетъ по-моему, что старое добро помнится, такъ ты не тронь меня, а коли разсудитъ по-твоему, ну тогда, нечего дѣлать, твоя верхъ взяла.

— Ладно, сказалъ волкъ, спросимъ лошадь.

Вотъ и сталъ мужикъ лошадь спрашивать:

— Скажи, матушка лошадушка, порѣши наше дѣло, вотъ такъ и такъ, мы съ волкомъ заспорили: помнится ли старое добро, али нѣтъ?

Понурила лошадь голову и стала сказывать:

— Жила я у мужичка семнадцать годовъ, принесла ему четырнадцать жеребятъ, одинъ одного лучше, одинъ одного сносливѣе, на работу какъ я ретивые, а какъ стала я стариться, да изъ силъ выбиваться, такъ вечоръ свелъ меня со двора, да и свалилъ въ оврагъ,

насилу сегодня выкарабкалась. Вотъ самъ суди, дѣдушка, помнится ли старое добро!

Заплакалъ мужикъ и говоритъ:

— Потерпи, Левонъ Иванычъ, спросимъ еще кого, можетъ быть кто лучше разсудитъ!

Волкъ согласился. Попадается имъ встрѣчу собака, мужикъ къ ней:

— Скажи, матушка Арапушка, порѣши наше дѣло, вотъ такъ и такъ, мы съ волкомъ заспорили: помнится старое добро или нѣтъ?

Потупилась, заплакала собака и стала сказывать:

— Жила я у хозяина пятнадцать лѣтъ, день-деньской я ему служила, домъ берегла ночью не смыкаючи глазъ, добро его стерегла; вотъ, какъ теперь не вмоготу пришлась мнѣ работа, да къ тому же и съ голосу спала, лаять перестала, согналъ меня хозяинъ со двора, да еще полѣномъ пригрозилъ, чтобы назадъ не ворочалась! Нѣтъ, мужичокъ, знать

волкъ правѣе: старое добро забывается! рѣшила собака.

— Что, братъ, чья взяла! спросилъ волкъ, вѣдь моя правда, вотъ я и съѣмъ тебя!

Запечалился, заплакалъ мужикъ и сталъ отпрашиваться:

— Потерпи-де, волченька, до третьей встрѣчи, а тамъ, коли по-твоему скажутъ, такъ ужь по-твоему и быть.

— Ладно, повременю еще маленько, а послѣ ужь больше не споръ, не помилую.

— Что съ тобой станешь дѣлать, сказалъ мужикъ, коли ты стараго добра знать не хочешь!

Вотъ и пошли опять путемъ-дорогой, а встрѣчу бѣжитъ лиса; мужикъ остановилъ ее, да и говоритъ:

— Матушка Лиса Патрикѣевна, мы къ тебѣ на третейскій судъ пришли, разсуди ты насъ, вотъ такъ и такъ мы съ волкомъ заспорили: забывается старое добро или нѣтъ?

Лиса подумала, да и говоритъ:

— Что-то я вашего дѣла въ толкъ не возьму, кто у васъ кого схоронилъ?

— Да я волка отъ охотниковъ въ мѣшокъ схоронилъ, сказалъ мужикъ, а онъ меня за спасибо съѣсть хочетъ!

— Левонъ Иванычъ, правду онъ сказываетъ? спросила лиса, сидѣлъ ты въ мѣшкѣ?

— Сидѣлъ.

— Ну врешь, сѣрый, знать по-намеднишнему меня обмануть хочешь! да ты въ мѣшокъ-то и до половины не влѣзешь.

Зло взяло волка вѣкъ-повѣку отъ лисы напраслину терпѣть:

— Давай, говоритъ мужику, давай сюда мѣшокъ, вотъ я ей старой лисѣ покажу, что волкъ не лиса, не все вретъ, а иную пору и правдой живетъ!

Мужичекъ нашъ растопырилъ предъ волкомъ мѣшокъ — сѣрый влѣзъ до половины и кричитъ изъ мѣшка:

— Что, лиса, льстивы слова, завистливы глаза, влѣзъ я въ мѣшокъ аль нѣтъ?

— Нѣтъ, не влѣзъ, говоритъ лиса, половина тебя наружу!

Вотъ волкъ влѣзъ совсѣмъ, свернулся калачемъ, да и спрашиваетъ изъ мѣшка:

— Ну что, совсѣмъ ушелъ, и съ хвостомъ?

— Хвоста не видать, сказала лисанька, только чай завязать нельзя!

— Завязывай! крикнулъ волкъ мужику.

Мужикъ схватилъ веревку, крѣпко-накрѣпко затянулъ ею мѣшокъ и сталъ въ раздумьѣ, а лиса говоритъ ему:

— Мужичекъ, мужичекъ, борода съ локотокъ, борода-то выросла, да ума не вынесла! Скажи-ка ты мнѣ, что это у тебя въ рукахъ?

— Цѣпъ, отвѣчалъ мужикъ.

— А что цѣпомъ дѣлаютъ?

— Молотятъ, отвѣчалъ мужикъ.

— Ну-ка, покажи намъ, какъ люди молотятъ, я что-то не видывала!

Тутъ мужикъ догадался и принялся по волку цѣпомъ колотить, а лиска ходитъ вокругъ, да приговариваетъ: „Вотъ такъ, вотъ такъ учатъ старое добро помнить!“ Волка долго учили и наконецъ и до смерти доучили. Мужичекъ зазвалъ догадливую лису къ себѣ, сказалъ спасибо за науку, напоилъ, накормилъ и впередъ велѣлъ къ себѣ въ гости ходить.

ПРО МЫШЬ ЗУБАСТУЮ ДА ПРО ВОРОБЬЯ БОГАТАГО.

Пришла старуха и стала сказывать про деревенское раздолье: про ключи студеные, про луга зеленые, про лѣса дремучіе, про хлѣбы хлѣбистые, да про ярицу яристую. Это не сказка, а присказка, сказка будетъ впереди.

Жилъ-былъ въ селѣ мужичекъ, крестьянинъ исправный, и Бога боялся, и о людяхъ печаловался: коли кто былъ въ горѣ да въ нуждѣ, всякъ къ нему за совѣтомъ шелъ, а коли у кого было хлѣба въ недостачѣ, шли къ его закрому, какъ къ своей. Богъ благословлялъ его поля; у кого хлѣбъ родится самъ-четвертъ, самъ-пятъ, а у него нерѣдко и

самъ-десятъ! Сожнетъ мужичекъ хлѣбъ, свезетъ въ овинъ, перечтетъ снопы, да каждый десятый снопъ къ сторонѣ отложитъ, примолвя: „Это на долю бѣдной братьи.“ Услыхавъ такія рѣчи, воробей зачиликалъ во весь ротъ: „чивъ, чивъ, чивъ! мужичекъ полонъ овинъ хлѣба навалилъ, да и на нашу братью видимо-невидимо отложилъ!“

— Шишь, не кричи во весь ротъ! пропищала мышь-пискунья, не то всѣ услышатъ: налетитъ ваша братья крылатая стая, все по зернышку разнесетъ, весь закромъ склюетъ, и намъ ничего не покинетъ!

Трудновато было воробью молчать, да дѣлать нечего, мышка больно строго ему пригрозила. Вотъ слетѣлъ воробей со стрехи на полъ, да подсѣвъ къ мышкѣ, сталъ тихохонько чирикать:

— Давай-де, мышка-норышка, совьемъ себѣ по гнѣздышку, я подъ стрехой, ты въ подпольѣ, и станемъ жить да быть, да хозяй-

ской подачкой питаться, и будетъ у насъ все вмѣстѣ, все пополамъ.

Мышка согласилась. Вотъ и зажили они вдвоемъ, живутъ годъ, живутъ другой, а на третій сталъ амбаръ ветшать; про новый хлѣбъ хозяинъ выстроилъ другой амбаръ, а въ старомъ зерна оставалось намалѣ. Мышка-норышка это дѣло смекнула, раскинула на умахъ и порѣшила, что коли ей одной забрать все зерно, то болѣе достанется, чѣмъ съ воробьемъ пополамъ. Вотъ прогрызла она въ половицѣ въ закромѣ дыру, зерно высыпалось въ подполье, а воробей и не видалъ того, какъ весь хлѣбъ ушелъ къ мышкѣ въ нору. Сталъ воробей поглядывать, гдѣ зерно? зерна не видать; онъ туда, сюда, нѣтъ нигдѣ ни зерна; сталъ воробей къ мышкѣ въ нору стучаться:

— Тукъ, тукъ, чивъ, чивъ, чивъ, дома ли, сударушка мышка?

А мышка въ отвѣтъ:

— Чего ты тутъ расчирикался? убирайся, и, безъ тебя голова болитъ!

Заглянулъ воробей въ подполье, да какъ увидалъ тамъ хлѣба ворохъ, такъ пуще прежняго зачирикалъ:

— Ахъ ты, мышь подпольная, вишь что затѣяла; да гдѣ жь твоя правда? Уговоръ былъ: все поравну, все пополамъ, а ты это что дѣлаешь? Взяла, да и обобрала товарища!

— И-и! — пропищала мышка-норышка, — вольно тебѣ старое помнить, я такъ ничего знать не знаю и помнить не помню!

Нечего дѣлать, сталъ воробей мышкѣ кланяться, упрашивать, а она какъ выскочитъ, какъ начнетъ его щипать, только перья полетѣли!

Разсердился и воробей, взлетѣлъ на крышу и зачирикалъ такъ, что со всего округа воробьи слетѣлись, видимо-невидимо. Всю крышу обсѣли и ну товарищево дѣло разбирать; все по ниточкѣ разобрали и на томъ порѣшили,

чтобы къ звѣриному царю всѣмъ міромъ съ челобитьемъ летѣть. Снялись, полетѣли, только небо запестрѣло. Вотъ прилетѣли они къ звѣриному царю, зачирикали, защебетали, такъ что у царя Льва въ ушахъ зазвенѣло, а онъ въ ту пору прилегъ было отдохнуть. Зѣвнулъ Левъ, потянулся, да и говоритъ:

— Коли попусту слетѣлись, такъ убирайтесь восвояси, спать хочу; а коли дѣло есть до меня, то говори одинъ, вѣдь пѣть хорошо вмѣстѣ, а говорить порознь!

Вотъ и выскочилъ воробышекъ, что побойчѣе другихъ, и сталъ такъ сказывать дѣло:

— Левъ государь, вотъ такъ и такъ, нашъ братъ воробей положилъ уговоръ съ твоей холопкой мышью зубастой жить въ одномъ амбарѣ, ѣсть изъ одного закрома до послѣдняго зерна; прожили они такъ безъ малаго три года, а какъ сталъ хлѣбъ къ концу подходить, мышь подпольная и слукавила, прогрызла въ закормѣ дыру и выпустила зерно

къ себѣ въ подполье; братъ воробей сталъ ее унимать, усовѣщевать, а она, злодѣйка, такъ его ощипала кругомъ, что стыдно въ люди показаться; повели, царь, мышь ту казнить, а все зерно истцу воробью отдать; коли же ты, государь насъ съ мышью не разсудишь, такъ мы полетимъ къ своему царю съ челобитной!

— И давно бы такъ, идите къ своему Орлу! сказалъ Левъ, потянулся и опять заснулъ.

Туча-тучей поднялася стая воробьиная съ челобитьемъ къ Орлу на звѣринаго царя, да на его холопку мышь. Выслушалъ царь Орелъ, да какъ гаркнетъ орлинымъ клектомъ:

— Позвать сюда трубача!—А грачъ трубачъ ужъ тутъ какъ тутъ стоитъ предъ Орломъ тише воды, ниже травы.

— Труби, трубачъ, великій сборъ моимъ богатырямъ: беркутамъ, соколамъ, коршунамъ, ястребамъ, лебедямъ, гусямъ и всему птичьему роду, чтобы клювы точили, когти вос-

трили; будетъ-де вамъ пиръ на весь міръ. А тому ли звѣриному царю разлетную грамату неси за то-де, что ты царь потатчикъ, присяги не памятуешь, своихъ звѣришекъ въ страхѣ не держишь, нашихъ пернатыхъ жалобъ не разбираешь, вотъ за то-де и подымается на тебя тьма-тьмущая, сила великая; и чтобы тебѣ царю выходить со своими звѣришками на поле Арекское, къ дубу Веретенскому.

Тѣмъ временемъ, выспавшись, проснулся Левъ и, выслушавъ трубача-бирюча, зарыкалъ на все свое царство звѣриное; сбѣжались барсы, волки, медвѣди, весь крупный и мелкій звѣрь и становились они у того дуба завѣтнаго. И налетала на нихъ туча грозная, непроносная, съ вожакомъ своимъ, съ царемъ Орломъ, и билися обѣ рати не отдыхаючи три часа и три минуты, другъ друга не одолѣвая; а какъ нагрянула западная сила, ночная птица, пугачъ да сова, тутъ зубастый

звѣрь мышь первый на утекъ пошелъ. Доложили о томъ докладчики звѣриному царю, разсердился Левъ государь на зубастую мышь:

— Ахъ ты, мышь, мелюзга подпольная, изъ-за тебя, мелкой сошки, бился я, не жалѣючи себя, а ты же первая тылъ показала!

Тутъ велѣлъ Левъ отбой бить, замиренья просить; а весь награбленный хлѣбъ присудилъ воробью отдать, а мышь подпольную, буде найдется, ему же воробью головою выдать. Мышь не нашли, сказываютъ: „сбѣжала-де со страху за тридевять земель, въ тридесятое царство, не въ наше государство.“ Воробышекъ разжился, и сталъ у него что ни день, то праздникъ, гостей видимо-невидимо, вся крыша вплотную засажена воробьями, и чирикаютъ они на все село былину про мышь подпольную, про воробья богатаго, да про свою удаль молодецкую.

ЛИСА ЗНАХАРКА.

Жила-была кума-Лиса; надоѣло лисѣ на старости самой о себѣ промышлять, и вздумала она отдохнуть, за медвѣжьей головой пожить; вотъ и пришла къ Медвѣдю и стала проситься въ жилички:

— Возьми меня, Михайла Потапычъ, я лиса старая, ученая, слыву знахаркой, можетъ ину пору и тебѣ въ пестуны пригожусь; мѣста займу не много, не объѣмъ, не обопью, развѣ только послѣ тебя поживлюсь, косточки огложу.

Медвѣдь, долго не думавъ, согласился. Перешла Лиса на житье къ Медвѣдю и стала осматривать да обнюхивать, гдѣ что у него

лежитъ. Мишенька жилъ съ запасомъ, самъ до-сыта наѣдался и Лисаньку хорошо кормилъ. Вотъ запримѣтила она въ сѣнцахъ на полочкѣ кадочку съ медомъ, а Лиса, что Медвѣдь, любитъ сладко поѣсть; лежитъ она ночью, да и думаетъ, какъ бы ей уйти да медку полизать; лежитъ, хвостикомъ постукиваетъ да Медвѣдя спрашиваетъ:

— Мишенька, некакъ кто-то къ намъ стучится?

Прислушался Медвѣдь.

— И то, говоритъ, стучатъ.

— Это, знать, за мной, за старой лекаркой пришли.

— Ну чтожъ, сказалъ Медвѣдь, иди.

— Охъ, куманекъ, что-то не хочется вставать!

— Ну, ну, ступай, понукалъ Мишка, я и дверей за тобой не стану запирать.

Лиса заохала, слѣзла съ печи, а какъ за дверь вышла, откуда и прыть взялась! вска-

рабкалась на полку и ну починать кадочку; ѣла, ѣла, всю верхушку съѣла, до-сыта наѣлась; закрыла кадочку ветошкой, прикрыла кружкомъ, заложила камешкомъ, все прибрала, какъ у Медвѣдя было, и воротилась въ избу какъ ни въ чемъ не бывала.

Медвѣдь ее спрашиваетъ:

— Что, кума, далеко ль ходила?

— Близехонько, куманекъ, звали сосѣди, ребенокъ у нихъ захворалъ.

— Что же, полегчало?

— Полегчало.

— А какъ зовутъ ребенка?

— Верхушечкой, куманекъ.

— Не слыхалъ такого имени, сказалъ Медвѣдь.

— И-и! — куманекъ, мало ли чудныхъ именъ на свѣтѣ живетъ!

Медвѣдь заснулъ, и Лиса уснула.

Понравился Лисѣ медокъ, вотъ и на дру-

гую ночку лежитъ, хвостомъ объ лавку постукиваетъ:

— Мишенька, некакъ опять кто-то къ намъ стучится?

Прислушался Медвѣдь и говоритъ:

— И то, кума, стучатъ!

— Это, знать, за мной, за старой лекаркой, пришли!

— Ну что же, кумушка, иди, сказалъ Медвѣдь.

— Охъ, куманекъ, что-то не хочется вставать, старыя косточки ломать!

— Ну, ну, ступай, понукалъ Медвѣдь, я и дверей за тобой не стану запирать.

Лиса заохала, слѣзла съ печи, поплелась къ дверямъ, а какъ за дверь вышла, откуда и прыть взялась! вскарабкалась на полку, добралась до меду, ѣла, ѣла, всю середку съѣла; наѣвшись до-сыта, закрыла кадочку тряпочкой, прикрыла кружкомъ, заложила камешкомъ, все, какъ надо, убрала и верну-

лась въ избу, а Медвѣдь ее спрашиваетъ:—Далеко-ль, кума, ходила?

— Близехонько, куманекъ, сосѣди звали, у нихъ ребенокъ захворалъ.

— Чтожь, полегчало?

— Полегчало.

— А какъ зовутъ ребенка?

— Середочкой, куманекъ.

— Не слыхалъ такого имени, сказалъ Медвѣдь.

— И-и! куманекъ, мало-ли чудныхъ именъ на свѣтѣ живетъ, отвѣчала Лиса.

Съ тѣмъ оба и заснули.

Понравился Лисѣ медокъ; вотъ и на третью ночь лежитъ, хвостикомъ постукиваетъ да сама Медвѣдя спрашиваетъ:

— Мишенька, не какъ опять къ намъ кто-то стучится?

Послушалъ Медвѣдь и говоритъ:

— И то, кума, стучатъ.

— Это, знать, за мной, за старой знахаркой, пришли.

— Что же, кума, иди, коли зовутъ, сказалъ Медвѣдь.

— Охъ, куманекъ, что-то не хочется вставать, старыя косточки ломать, самъ видишь— ни одной ночки соснуть не даютъ!

— Ну, ну, вставай, понукалъ Медвѣдь, я и дверей за тобой не стану запирать.

Лиса заохала, закряхтѣла, слѣзла съ печи и поплелась къ дверямъ, а какъ за дверь вышла, откуда и прыть взялась! вскарабкалась на полку и принялась за кадочку; ѣла, ѣла, всѣ послѣдки съѣла; наѣвшись до-сыта, закрыла кадочку тряпочкой, прикрыла кружкомъ, пригнела камешкомъ и все, какъ надо быть, убрала. Вернувшись въ избу, она залѣзла на печь и свернулась калачикомъ, а Медвѣдь сталъ лису спрашивать:

— Далеко-ль, кума, ходила?

— Близехонько, куманекъ, звали сосѣди ребенка полечить.

— Что жъ полегчало?

— Полегчало.

— А какъ зовутъ ребенка?

— Послѣдышкомъ, куманекъ, Послѣдышкомъ, Потаповичъ!

— Не слыхалъ такого имени, сказалъ Медвѣдь.

— И-и! куманекъ, мало-ли чудныхъ именъ на свѣтѣ живетъ!

Медвѣдь заснулъ, и Лиса уснула.

Вдолгѣ-ли, вкороткѣ-ли захотѣлось опять Лисѣ меду, вѣдь Лиса сластена, вотъ и прикинулась она больной: кахи, да кахи, покою не даетъ Медвѣдю, всю ночь прокашляла.

— Кумушка, вѣдь ты знахарка, говоритъ Мишка, хоть бы чѣмъ нинаесть полечилась.

— Охъ, куманекъ, есть у меня снадобьеце,

только бы медку въ него подбавить и все какъ есть рукой сыметъ.

Всталъ Мишка съ полатей и вышелъ въ сѣни, снялъ кадку—анъ кадка пуста!

— Куда дѣвался медъ! заревѣлъ Медвѣдь. Кума, это твоихъ рукъ дѣло!

Лиса такъ закашлялась, что и отвѣта не дала.

— Кума, кто съѣлъ медъ?

— Какой медъ?

— Да мой, что въ кадочкѣ былъ?

— Коли твой былъ, такъ значитъ ты и съѣлъ, отвѣчала Лиса.

— Нѣтъ, сказалъ Медвѣдь, я его не ѣлъ, все про случай берегъ; это знать ты, кума, сшалила?

— Ахъ, ты обидчикъ этакій, зазвалъ меня бѣдную сироту къ себѣ, переманилъ съ роднаго пепелища, да и хочешь со свѣту сжить! Нѣтъ, другъ, не на такую напалъ! не даромъ я знахарка, мигомъ виноватаго узнаю, развѣдаю, кто медъ съѣлъ.

Вотъ Медвѣдь обрадовался и говоритъ:

— Пожалуста, кумушка, поворожи маленько.

— Ворожба немудрена: ляжемъ противъ солнца, у кого медъ изъ живота вытопится, тотъ его и съѣлъ.

Вотъ легли, солнышко ихъ пригрѣло, Медвѣдь захрапѣлъ, а Лисанька скорѣй домой: соскребла по уторамъ послѣдній медокъ изъ кадки, вымазала имъ Медвѣдя, а сама, умывъ лапки, ну Мишеньку будить:

— Вставай, вора нашла! Я вора нашла! кричитъ въ ухо Медвѣдю Лиса.

— Гдѣ? заревѣлъ Мишка.

— Да вотъ гдѣ, сказала Лиса и показала Мишкѣ, что у него все брюхо въ меду.

Мишка сѣлъ, протеръ глаза, провелъ лапой по животу, лапа такъ и льнетъ, а Лиса его коритъ:

— Вотъ видишь, Михайла Потаповичъ, солнышко-то и попутало, медъ изъ тебя вы-

топило; впередъ, куманекъ, своей вины на другаго не сваливай!

Сказавъ это, Лиска махнула хвостомъ, только Медвѣдь и видѣлъ ее.

ѲОМА ДА ЕРЕМА.

Жили-были на деревнѣ два брата, деревня большая, четыре двора, восемь улицъ, стоитъ на горкѣ, а хлѣба ни корки; жили въ той деревнѣ мужики все богатые, дѣвать денегъ некуда, а кошеля купить не на что. Вошли Ѳома съ Еремой во всѣ года, борода у нихъ выросла, ума не вынесла, голова съ лукошко, да мозгу ни крошки!

Задумали братья пашню пахать, рожь у нихъ не выникла, яровое не взошло, они соху да борону сломали, по вѣтру раскидали. Вздумали, сгадали въ лѣсъ на охоту идти: зайцевъ не видали, отъ волковъ сами бѣжали. Пошли на озеро удить, рыба не клюетъ,

а Ѳома съ досады брата за усъ деретъ, Ерема во все горло реветъ. Рыбы не поймали, поплавки оборвали, удилища поломали, а лесы въ тростникѣ увязили. Сѣли они въ лодку, забрали мережи, хотѣли неводомъ осетра поймать, да лодка утла, ладами потекла, вотъ они въ ней двое сутокъ тонули, ко дну не пошли, добрые люди спасли. Сѣли братья сушиться на бережокъ, встряхнули рожокъ о каблучекъ, понюхиваютъ табачекъ, видятъ— плыветъ мимо ихъ стая сѣрыхъ гусей, схватилъ Ѳома хворостину, а Ерема сгребъ булыжникъ, Ѳома кинулъ—не докинулъ, Ерема кинулъ—перекинулъ. Видятъ братаны въ озерѣ звѣзды отсвѣчиваютъ, думаютъ серебряныя деньги, схватили рѣшета и ну ихъ ловить: руки отмахали, звѣздъ не набрали. На завтра Ѳома съ Еремой пошли опять на промыселъ — за мухой съ обухомъ, за комаромъ съ топоромъ; мухи не поймали, комара не сыскали. Сговорились братья ѣхать въ торгъ торговать,

накупили холстовъ, поѣхали въ Ростовъ, ѣхали не путемъ, погоняли кулакомъ, въ Ростовъ не пріѣхали, семи верстъ не доѣхали, холсты у нихъ покрали, лошадь потеряли, телегу на себѣ домой повезли. Эхъ, Ерема, Ерема, сидѣлъ бы ты дома да точилъ веретена! Люди съ умомъ торгуютъ, а безъ ума горюютъ.

ВОЛКЪ ДУРЕНЬ.

Уродился волкъ дурнемъ, выросъ съ копну, голова съ котелокъ, а ума съ ноготокъ: пойдетъ ли бывало на покормъ, всѣхъ собакъ перебудитъ, собаки залаютъ, замечутся, и убѣжитъ волкъ голодный во-свояси; приляжетъ ли гдѣ соснуть, растянется на самомъ торномъ мѣстѣ, хоть объѣздомъ объѣзжай его; благо что не попадался на охотниковъ. Вотъ разъ, видитъ волкъ, идетъ лѣсомъ борзая собака, большая-пребольшая, зубастая-презубастая; да такая хилая, что еле бредетъ, изъ стороны въ сторону пошатываясь. „Дай-ка я съ ней спознаюсь, погутарю, о томъ, о семъ покалякаю, а напослѣдяхъ и съѣмъ,“ думаетъ

волкъ. Вздумано, сгадано—на половину дѣло сдѣлано, отъ такого волчища гдѣ уйти больной собакѣ!

Вотъ сѣли они рядышкомъ и стали разумныя рѣчи вести; собака разсказала, какъ жила она у охотника, не больше не меньше трехъ годовъ, какъ съ нимъ на всякую охоту хаживала, всякую службу служивала, да и дослужилась до такой милости, что ее хилую полѣномъ со двора согнали. Выслушалъ волкъ, разжалобился и сталъ самъ про свое горемычное житье сказывать: какъ онъ недѣлю проголодавши напалъ на быка, а быкъ поднялъ его на рога да метнулъ кверху, разъ метнулъ, другой метнулъ, да и хватилъ о земь, чуть до смерти не убилъ! „Опамятовавшись гляжу, говоритъ, надо мной стоитъ кума лиса; сжалилась она да и говоритъ: худой у тебя разумъ, Левонъ Иванычъ, зачѣмъ спереди на быка нападалъ, ты бы къ нему тихохонько сзади подкрался. Ну вотъ

я это дѣло смекнулъ и какъ только перевалялся, послѣ быковыхъ побоевъ, то и пошелъ на промыселъ; увидалъ въ полѣ коня, тихохонько подкрался къ нему сзади и только было схватилъ его за ногу, какъ онъ взвился на дыбы, да какъ хватитъ меня задними копытами—я тутъ и присѣлъ! Вотъ, Терзаюшка, послѣ этого и слушай народъ: спереди подошелъ, быкъ передомъ чуть не убилъ, сзади подошелъ, конь задомъ чуть не убилъ! съ той поры закаялся я съ крупнымъ скотомъ связываться. Однако голодъ не свой братъ, не ждетъ, пошелъ вечоръ по добычу, повстрѣчалъ свинью съ поросятами; я на нее, а она какъ добрая говоритъ: постой, волченька, дай напередъ поросятъ перемыть, вишь какіе грязные, что тебѣ ротъ марать! Ну, молъ, ладно, иди, а я за тобой слѣдомъ пойду. Пошли. Пришли къ мельницѣ, свинья мнѣ и говоритъ: ты-де, Левонъ Иванычъ, становись по ту сторону заставки, гдѣ нѣту воды,

я стану въ водѣ дѣтокъ мыть, да тебѣ по одиночкѣ въ пасть швырять. Мнѣ это дѣло полюбилось: ладно, говорю я, разинулъ пасть пошире, жду, стою подъ мостомъ, а свинья ухватила заставку зубами, да и вытащила ее; вотъ какъ вода-то свиснетъ да хлынетъ прямо на меня, чуть не захлебнулся, а вода-то все прибываетъ да прибываетъ; я хочу на берегъ вылѣзть, а вода съ ногъ сбиваетъ, сбила, да такъ и несетъ, чуть было не утонулъ! кой-какъ выбрался, а ѣсть смерть хочется! Вижу идетъ козелъ, я къ нему, говорю: стой, козелъ, ужъ видно теперь смерть твоя пришла, я съѣмъ тебя! а козелъ мнѣ на это: ужъ коли взаправду конецъ мой пришелъ, такъ стало быть дѣлать нечего, надо погибать! Стой же ты, Левонъ Иванычъ, на ногахъ покрѣпче, да разинь ротъ пошире, а я разбѣжавшись вскочу самъ къ тебѣ въ пасть! Вотъ я, волкъ ученый, оглядѣлся кругомъ, нѣтъ ли гдѣ мельницы, нѣтъ ли воды;

воды, нѣтъ да и мельницы не бывало, сталъ, разинулъ зѣвъ и жду козла, а козелъ, какъ разбѣжится да ударитъ меня рогами, одинъ глазъ вовсе вышибъ, а другой больно помялъ, самъ же далъ тягу! Вотъ, другъ Терзай, какія невзгоды бываютъ нашему брату, кабы ты не подвернулся, такъ я бы сегодня, а можетъ и завтра голодалъ.

Терзай смекнулъ волчью дурость и говоритъ:

— Жаль мнѣ тебя, волченька, только и отъ меня плоха пожива будетъ; вотъ кабы далъ ты мнѣ оправиться, повыздоровѣть, да тѣмъ временемъ послаще покормилъ, такъ увидалъ бы меня въ тѣлѣ и скушалъ бы власть!

Понравились такія рѣчи волку, пошелъ онъ на промыселъ, засѣлъ у дороги ждать; вотъ погналъ пастухъ стадо, волкъ бросился въ самую середку, овцы шарахнулись, а нашъ сѣрый выхватилъ овцу изъ середки,

взвалилъ на себя и понесъ домой. Принесъ, разорвалъ на части и говоритъ:

— Кушай, отъѣдайся, Терзаюшка, а какъ отъѣшься, да въ настоящее тѣло войдешь, тогда я тебя съѣмъ.

Ну, они и принялись вдвоемъ ѣсть овцу, досыта наѣлись и на утро покинули. На другой день, ни свѣтъ ни заря, Терзай съ волкомъ за обѣдомъ сидятъ. Поѣли, отдохнули, волкъ опять пошелъ стадо караулить: какъ поравнялись съ нимъ овцы, онъ и вскочилъ въ самую середку, овцы шарахнулись, онъ выхватилъ одну, взвалилъ на себя и понесъ собакѣ. Принесъ и говоритъ:

— На, кушай, отъѣдайся, Терзаюшка, а какъ отъѣшься, да въ настоящее тѣло войдешь, такъ я тебя съѣмъ!

Вотъ и принялись собака съ волкомъ вдвоемъ овцу уплетать, ѣли, ѣли до отвалу, наѣлись и на утро покинули. На третій день тоже, ни свѣтъ, ни заря, а Сѣрый съ Терзаемъ

овечку доѣдаютъ. Поѣли, отдохнули; волкъ опять пошелъ на промыселъ, да вернулся ни съ чѣмъ, злой-презлой: пастухъ вишь обзавелся собаками, а волкъ собакъ не долюбливаетъ. Вотъ и сталъ нашъ дурень на Терзая покашиваться да къ нему подбираться; Терзай самъ не промахъ, догадался, да и говоритъ:

— Вотъ я, Левонъ Иванычъ, овцу съ тобой съѣлъ?

— Съѣлъ, говоритъ волкъ.

— И другую съѣлъ?

— И другую съѣлъ, отвѣчаетъ волкъ.

— Теперь кабы мнѣ говядинки добыть, такъ ужъ вотъ какъ есть въ настоящее бы тѣло вошелъ!

— Ладно, сказалъ волкъ, и пошелъ добывать говядины. День прошелъ, другой прошелъ, нѣтъ волка, а Терзай той порой и выздоровѣлъ и оправился; на третій день идетъ волкъ и тащитъ телку; ну, говоритъ,

виноватъ, Терзаюшка, говядины нѣтъ, а покушай телятинки. Ну, что съ тобой станешь дѣлать, нахмурясь отвѣчаетъ собака, подавай хоть телятины!

И принялись они ѣсть теленка, ѣли, ѣли, досыта наѣлись, и на другой день ѣли, и на третій осталось. Вотъ на четвертый день волкъ спрашиваетъ:

— Терзаюшка, а Терзаюшка, въ тѣлѣ-ль ты? а самъ его лапкой щупаетъ.

Какъ ощетинится Терзай да вскочитъ, да ну волка трепать! Волкъ отъ него, Терзай за нимъ, волкъ бѣжитъ, Терзай гонки задаетъ; вотъ бѣжалъ, бѣжалъ волкъ да вдругъ провалился въ волчью яму. Волкъ воетъ, Терзай лаетъ, сбѣжались собаки, собрались мужики и доконали волка, а Терзая къ себѣ на службу взяли.

МЕДВѢДЬ ПОЛОВИНЩИКЪ.

Жилъ-былъ мужичекъ, въ крайней избѣ на селѣ, что стояла подлѣ самаго лѣса, а въ лѣсу жилъ медвѣдь, и что ни осень заготовлялъ себѣ жилье, берлогу, и залегалъ въ нее съ осени на всю зиму, лежалъ да лапу сосалъ. Мужичекъ же весну, лѣто и осень работалъ, а зимой щи и кашу ѣлъ, да квасомъ запивалъ. Вотъ и позавидовалъ ему медвѣдь, пришелъ къ нему и говоритъ:

— Сосѣдушка, давай задружимся!

— Какъ съ вашимъ братомъ дружиться: ты, Мишка, какъ разъ искалѣчишь! отвѣчалъ мужичекъ.

— Нѣтъ, сказалъ медвѣдь, не искалѣчу,

слово мое крѣпко, вѣдь я не волкъ, не лиса, что сказалъ, то и сдержу! Давай-ка станемъ вмѣстѣ работать!

— Ну ладно, давай! сказалъ мужикъ. Ударили по рукамъ.

Вотъ пришла весна сталъ мужикъ соху да борону ладить, а медвѣдь ему изъ лѣсу вязки выламываетъ да таскаетъ; справивъ дѣло, уставивъ соху, мужикъ и говоритъ:

— Ну, Мишенька, впрягайся, надо пашню подымать.

Медвѣдь впрягся въ соху, выѣхали въ поле; мужикъ, взявшись за рогаль, пошелъ за сохой, а Мишка идетъ впереди, соху на себѣ тащитъ; прошелъ борозду, прошелъ другую, прошелъ третью, а на четвертой говоритъ:

— Не полно ли пахать?

— Куда тебѣ: отвѣчаетъ мужикъ, еще надо дать концовъ десятка съ два!

Измучился Мишка на работѣ, какъ покончилъ, такъ тутъ же на пашнѣ и растянулся.

Мужикъ сталъ обѣдать, накормилъ товарища, да и говоритъ:

— Теперь, Мишенька, соснемъ, а отдохнувши надо вдругорядъ перепахать.

И въ другой разъ перепахали.

— Ладно, говоритъ мужикъ, завтра приходи, станемъ боронить и сѣять; только уговоръ — лучше денегъ: давай напередъ положимъ, коли пашня уродитъ, что кому брать: все ли поравну, все ли по-поламъ, или кому вершки, а кому корешки?

— Мнѣ вершки, сказалъ медвѣдь. — Ну ладно, повторилъ мужикъ, твои вершки, а мои корешки. — Какъ сказано, такъ сдѣлано; пашню на другой день заборонили, посѣяли рѣпу и сызнова заборонили, да еще разъ на пашнѣ же подтвердили: медвѣдю вершки, мужику корешки. Пришла осень, настала пора рѣпу собирать, снарядились наши товарищи, пришли на поле, повытаскали, повыбрали рѣпу: видимо-невидимо ея! Сталъ мужикъ Мишкину

долю, ботву срѣзывать, вороха навалилъ съ гору, а свою рѣпу на возу домой свезъ. И медвѣдь пошелъ ботву въ лѣсъ таскать, всю перетаскалъ къ своей берлогѣ; присѣлъ, попробовалъ, да видно не по вкусу пришлась!... Пошелъ къ мужику, поглядѣлъ въ окно; а мужичекъ напарилъ сладкой рѣпы полонъ горшокъ, ѣстъ да причмокиваетъ. — Ладно, подумалъ медвѣдь, впередъ умнѣе буду!

Медвѣдь пошелъ въ лѣсъ, залегъ въ берлогу, пососалъ, пососалъ лапу, да съ голодухи заснулъ и проспалъ всю зиму.

Пришла весна, поднялся медвѣдь худой, тощій, голодный и пошелъ опять набиваться къ сосѣду въ работники, а мужикъ тому и радъ. Справили соху съ бороной, впрягся медвѣдь и пошелъ таскать соху по пашнѣ; умаялся, упарился, сталъ въ пень и легъ отдохнуть; мужичекъ самъ поѣлъ, медвѣдя накормилъ и легли оба соснуть; выспавшись мужикъ сталъ Мишку будить: „пора-де въ

другорядъ перепахивать.“ Нечего дѣлать, принялся Мишка за дѣло! Какъ кончили пашню, медвѣдь и говоритъ:

— Ну, мужичекъ, уговоръ лучше денегъ, давай условимся теперь: на этотъ разъ вершки твои, а корешки мои, ладно что-ли?

— Ладно! сказалъ мужикъ, твои корешки, мои вершки!

Ударили по рукамъ. На другой день пашню забоpонили, посѣяли пшеницу, прошли по нивѣ бороной и еще разъ тутъ же помянули, что теперь-де медвѣдю корешки, а мужичку вершки.

Настала пора пшеницу убирать, мужикъ жнетъ не покладаючи рукъ; сжалъ, обмолотилъ и на мельницу свезъ; принялся и Мишка за свой пай, сталъ ожинъ дергать, надергалъ соломы съ корнями цѣлые вороха и пошелъ таскать въ лѣсъ къ своей берлогѣ, всю солому переволокъ, сѣлъ на пенекъ отдохнуть да своего труда отвѣдать, пожевалъ

соломки — нехорошо! пожевалъ корешковъ— не лучше того! Пошелъ къ мужику, заглянулъ въ окно, а мужичекъ сидитъ за столомъ, пшеничныя лепешки ѣстъ, бражкой запиваетъ да бороду утираетъ. „Видно ужъ моя такая доля, подумалъ медвѣдь, что изъ моей работы проку нѣтъ: возьму вершки, вершки не годятся, возьму корешки, корешки не ѣдятся!“ Тутъ Мишка съ горя залегъ въ берлогу и проспалъ всю зиму, да ужъ съ той поры не ходилъ къ мужику въ работу. Коли голодать, такъ лучше на боку лежать.

ѲОМА СЪ ЕРЕМОЙ МОСКВУ СМОТРЯТЪ.

„Ахъ ты, матушка Москва, православная, бѣлокаменная, златоглавая, хлѣбосольная, словоохотливая! Кто въ Москвѣ не бывалъ, красоты не видалъ,“ говоритъ народъ. Ѳома съ Еремой слушаютъ, да себѣ на усъ мотаютъ, и разобрала ихъ охота Москву посмотрѣть. Что далеко ходить? взобрались кое-какъ на сосѣднія сосны, глядь-поглядь, а Москвы не видать! До ночи просидѣли, глаза просмотрѣли, а Москвы не наглядѣли. Вотъ вздумали-сгадали, въ путь собрались, московскаго хлѣба-соли поѣсть, на бѣлокаменную посмотрѣть, да ея словоохотства послушать. Шли, шли, пришли въ какой-то го-

родъ; а городъ затѣйный, что ни домъ, то съѣстной да питейный.

— Это чтоль Москва? крикнулъ Ѳома.

— Куда тебѣ Москва! до матушки Москвы еще два дня ходу, молвилъ мужичокъ съ возу, а вы въ Москву что-ли?

— Въ Москву.

— Такъ садитесь, намъ по пути, мы Сосновскіе, веземъ въ Москву овесъ.

— Ладно.

Сѣли, поѣхали, долго-ли, коротко-ли ѣхали, а на другой день чѣмъ свѣтъ ужь и въ Москвѣ.

Стали Сосновскіе на базарѣ, а Ѳома съ Еремой пошли хлѣба-соли отвѣдать, походили, походили, никто въ гости не зоветъ. Вотъ завидѣли пирожника съ лоткомъ, пирожникъ бѣжитъ по морозу да покрикиваетъ:

Вотъ пироги у насъ горячи:
Берутъ купцы, ядятъ подъячіе!
Вотъ съ печенкой, вотъ гусачьи;

Вотъ пироги изъ печи горячи,
Кипятъ, прѣютъ, на жару спѣютъ,
Шипятъ, кипятъ, чуть не говорятъ!

Наши братаны къ пирожнику: „хлѣбъ да соль!“ а имъ въ отвѣтъ: „ѣшь да свой!“ Почесали затылки, пошли въ красные ряды, сладкой мезги *) покупать: а ихъ сидѣльцы на смѣхъ подымаютъ: такого-де товара мы споконъ вѣка не видали!

Нечего дѣлать, пошли Ѳома съ Еремой по городу шататься, московскихъ сластей искать; зашли на площадь, что сплошь бѣлымъ плитнякомъ вымощена, узорчатой рѣшеткой огорожена. Ѳома съ Еремой обрадовались, думали, что тутъ-то базаръ и есть, взбѣжали на паперть, захлопали рукавицами, да какъ заорутъ:

— Тутъ что ли Сосновскіе мужики овесъ ссыпаютъ?

---

*) Мезга—густой сокъ сосны подъ корой, который по осени твердѣетъ и обращается въ блонь, а весною снова приливаетъ.

Вотъ народъ на нихъ и вскинулся:

— Что орете, а шапки не ломаете!

— А что, спросили братаны, аль староста тутъ?

— Эхъ вы, дураки, не видите что въ соборъ вошли!

Взяли ихъ подъ руки, вывели изъ церкви, да и показали Ивана Великаго. — Ослѣпли что ль, друзья, не видите, что въ Кремль затесались!

— Батюшки свѣты, высь-то, высь какая! вскрикнули Ѳома съ Еремой, и какъ это крестъ на макушку воткнули?

— Эхъ вы, сказалъ служивый, и по бородѣ знать, что лопатой звать, вѣстимо какъ ставили: нагнули, да и воткнули!

— Ой ли? ай да Москвичи! молвили братаны и разинули рты.

— Глядь-ка, глядь, Ерема: вѣдь на крестѣ-то наша ворона, и стали пугать да на во-

рону махать, а ворона ни гугу, знать дураковъ своими не признала.

Народу собралось видимо-невидимо около Ѳомы съ Еремой и стали ихъ на смѣхъ подымать. Подошелъ еще тутошній московскій дуракъ, поглядѣлъ на дураковъ, плюнулъ, да и говоритъ: „эка-де невидаль!“

Вотъ въ сумеркахъ Сосновскіе повстрѣчали Ѳому съ Еремой:

— Здорово, говорятъ.

— Здорово.

— Что, чай, все сайки да калачи съ пирогами ѣли, да медкомъ запивали?

Замотали Ѳома съ Еремой головами и стали отплевываться:

— Вотъ-де, сказываютъ, Москва сластена, всего у нея вдоволь, только-что птичьяго молока нѣтъ, анъ Москва бьетъ съ носка, накормили насъ такимъ добромъ, что о сю пору на сердцѣ мутитъ, съ души претъ!

— Какъ такъ? спросили Сосновскіе.

Вотъ и стали братаны про все сказывать, какъ они ждали середи улицы угощенья, московской хлѣба-соли, какъ не дождавшись пошли сами на свой грошъ промышлять, сластей добывать; Еремѣ-де приглянулась бѣлая масляная палочка, Ѳома облюбовалъ сѣпряникъ въ полкирпича; присѣли на камень, да тутъ же и закусили, и не успѣли всего съѣсть, какъ ихъ съ московскихъ гостинцевъ съ души скинуло, а гостинцы вотъ какіе: Ерема съѣлъ сальную свѣчу, а Ѳома брусокъ сѣраго мыла; они на своей деревнѣ ни свѣчи, ни мыла отъ роду не видывали.

— Дураки, молвили имъ Сосновскіе, вольно-жь вамъ свѣчи да мыла не признать!

— Вѣдь мы люди не грамотные, ѣдимъ пряники неписаные, отозвался Ѳома, что былъ побойчѣе.

„Въ гостяхъ хорошо, а дома лучше“; собралися братаны идти во свояси. Вотъ, идучи путемъ-дорогой, заприметилъ Ерема тучу.

— Глянь-ка, Ѳома, какая бѣда, говоритъ Ерема, вѣдь градовая туча несется! а самъ, что осиновый листъ, трясется.

— Ну, какая тамъ бѣда приснилась, вишь дуракъ, тучи испугался!

— Да вѣдь градъ пойдетъ, насъ побьетъ!

— Какой градъ, дождь будетъ.

— Анъ градъ!

— Анъ дождь!

— Нѣтъ, градъ!

— Нѣтъ, дождь!

Тутъ Ѳома озлился:—Не хочу говорить съ дуракомъ, да хвать Ерему кулакомъ, а нашъ Еремей самъ не ротозей, самъ сдачи далъ.

Ни градъ, ни дождь нейдетъ, а у Ѳомы съ Еремой кровь изъ носу льетъ!

— Хоть рыло въ крови, да наша взяла, говоритъ Ѳома, а Ерема про себя думаетъ: худой миръ лучше доброй драки, не все таской, ино и лаской.

Вотъ такъ-сякъ братья промежъ себя пола-

дили, встали и пошли; долго-ли, коротко-ли шли, видятъ — стоитъ деревня, Ѳома и говоритъ:

— Придемъ въ деревню, бабы поставятъ намъ молока, знатно похлебаемъ!

Ерема облизнулся, да и примолвилъ:

— А я въ молочко хлѣбца покрошу!

— Нѣтъ, не кроши!

— А вотъ покрошу!

— Не кроши, тебѣ говорятъ, молоко проквасишь!

— А вотъ же покрошу! сказалъ Ерема.

Ѳома вцѣпился брату въ волоса, и другъ дружку славно оттаскали. Пришли въ деревню, а молока имъ никто не далъ, пока они дрались, хозяева все сами поѣли.

МЕЧКА (МЕДВѢДИЦА).

Въ лѣсу, подъ колодою, въ берлогѣ, жила-была медвѣдица съ медвѣжатками. Еще съ осени надрала она моху, постлала постель и залегла на зиму. Какъ пришла весна, такъ поднялась она добывать про семью свою кормъ, медвѣжаткамъ же строго-настрого наказала не ссориться, не ревѣть, лежать смирно, да про все, про что послышатъ, сказывать ей. „Ладно“, отвѣчали медвѣжатки, а какъ мать ушла, такъ и вцѣпились другъ въ друга, и пошла у нихъ поволочка по всей берлогѣ. Неподалеку оттуда было зайкино логовище; вотъ сѣренькій навостря ушки слушаетъ: „что бы это такое было, думаетъ

онъ, собаки не собаки, волки не волки, а словно гдѣ-то телята орутъ, дай пойду поразвѣдаю!“ Вотъ зайка, прижавъ ушки къ макушкѣ, пошелъ тихонько пробираться по лѣсу, дошелъ до берлоги, глянулъ въ нее и покатился со смѣху, увидавъ толстыхъ неуклюжихъ медвѣжатъ, которые потчивали другъ друга заушинами и ревѣли во все медвѣжье горло!

— Эхъ вы, дурачье, сказалъ зайка плюнувъ, только званья, что медвѣжьи дѣтки, а хуже свиныхъ поросятъ. Сказалъ да какъ прыснетъ отъ берлоги!

Ему почудилось сыръ-боръ трещитъ, а это медвѣдица домой идетъ.

Вотъ пришла она сытая, веселая и стала медвѣжатъ спрашивать:

— Не ссорились ли они безъ нея?

— Куда намъ ссориться, мы безъ тебя все другъ дружку лизали, да на ушко сказки сказывали, и все бы хорошо было, да ужъ

больно заяцъ насъ разобидѣлъ: онъ насъ, твоихъ дѣтенышей, обозвалъ свиными дѣтками и плюнулъ на берлогу нашу.

Обидѣлась, разсердилась медвѣдица и говоритъ: вотъ ужо, косой, постой, я те улью щей на ложку, будешь моихъ дѣтокъ поросятами обзывать!“ У, у, у, заревѣла она и пошла на заячье логво, а сѣрый, задравъ уши, понесся, что есть духу, въ самую трущобу; мечка за нимъ, онъ отъ нея, она за нимъ, онъ со страху шмыгнулъ сквозь расколотый грозою кряжъ, она сунулась за нимъ, да и завязла! Вотъ она и туда и сюда порывается, а кряжъ держитъ, словно капканомъ охватило! Какъ быть? вотъ и слышитъ она, кто-то по лѣсу ѣдетъ да пѣсенки попѣваетъ; это знать мужичекъ изъ сосѣдней деревни, дай, думаетъ покучусь ему, попрошу, ину пору, сказываютъ, у человѣка на милость образца нѣтъ; вотъ, какъ завидѣла она мужика, и стала его ублажать:

— Добрый человѣкъ, выпусти ты меня изъ проклятой лещедки, а ужь я твоей милости вѣкъ не позабуду и для первоначала бортьею поклонюсь, укажу, гдѣ пчелы привились.

Задумался мужичокъ — бить или не бить мечку? убить ее хорошо, первымъ дѣломъ худая трава изъ поля вонъ, да и за шкуру цѣлковыхъ пять дадутъ; не убить также хорошо, бортями обзаведусь, пчеловодомъ буду, медомъ да воскомъ торговать стану и въ купцы выду! Ну была не была! подумалъ онъ, схватилъ топоръ и ну расклинивать да колоть; расщепилъ на-двое, выпустилъ медвѣдицу, а та ему поклонъ да и повела борть казать, сама же дорогой говоритъ:

— Я тебѣ не одну борть укажу, только ты головушки моей не срами, никому не сказывай, что я, старая медвѣдица, изъ-за такой дряни, изъ-за сѣраго зайчишки, чуть было головы не сложила!

Нашъ мужикъ на радостяхъ все обѣщалъ,

слазилъ на дерево, меду нарѣзалъ и поѣхалъ домой. Медвѣдицу той порой взяло раздумье, что если мужичекъ на бѣду проговорится? Вѣдь позору не оберешься, пойдутъ толки да пересуды. Вотъ и пошла она за мужикомъ слѣдомъ, пришла въ деревню, схоронилась за тынъ и стала слушать, а на дворѣ у мужика радость, пиръ горой, ребята хлѣбъ съ медомъ ѣдятъ, да отца выспрашиваютъ: „откуда, тятя, медку добылъ?“ и жена пристала: „скажи да скажи, кто бортъ указалъ?“ Мужичекъ на радостяхъ все семьѣ разсказалъ; вотъ и стали они зайца величать, а надъ медвѣдицей издѣваться.

— Ладно же, свѣтъ мой мужичекъ, думаетъ мечка, смѣшки твои слезами отольются!

Съ той поры стала она мужика подстерегать. Вотъ поѣхалъ онъ разъ въ поле хлѣбъ сѣять; глядь, а медвѣдица на дорогѣ ощетинясь сидитъ, его поджидаетъ.

„Здорово, мечка!“ крикнулъ онъ ей, а та,

ставъ на дыбы, реветъ: „такъ-то ты свое слово держишь, добро бы нашъ братъ звѣрь, а то, говоритъ, и человѣкъ, а лукавишь! уговаривался небось молчать, а какъ стали дѣти допытываться, такъ все и разсказалъ? теперь ужь не прогнѣвайся, я тебя за это съѣмъ!“

Мужикъ оробѣлъ и ну отпрашиваться, ну отмаливаться; а она и слышать не хочетъ, рычитъ свое: „съѣмъ, да и только!“ Пословица правду говоритъ: „русскій человѣкъ заднимъ умомъ крѣпокъ,“ вотъ какъ пришла бѣда, такъ и спохватился мужичокъ, что не ладно въ тѣ поры сдѣлалъ, хоть и не себѣ, такъ людямъ во вредъ лихаго звѣря помиловалъ,— это первое; второе, слова не сдержалъ: коли обѣщалъ медвѣдицѣ про заячью обиду молчать, такъ и молчалъ бы!

Вотъ стала медвѣдица готовиться мужика ѣсть, стала когти точить. Вдругъ откуда ни взялась стая собакъ—тяфъ, тяфъ, тяфъ! а за ними охотники — пафъ, пафъ, пафъ!

Тутъ пришелъ конецъ нашей медвѣдицѣ, и, не доточа когтей, повалилась она мертвая. Мужичекъ съ перепугу долго хворалъ и съ той поры зарекся щадить лихаго звѣря, да не держать слова, и дѣткамъ и внукамъ говорилъ: „со звѣремъ, не снявъ съ него шкуры, не мирись, а самъ, не давъ слова, крѣпись, а давъ слово, держись!“

АКУЛЯ НЕДѢЛОВА.

Старуха женила сына на дѣвкѣ изъ чужой деревни; всѣмъ бы молодка была хоть куда: и здорова и видна, и румяна и бѣла, и изъ семьи богатой, взяли за ней приданаго овцу да корову, да скрыню съ одежей; за Акулей была одна бѣда: съ лѣнцой да съ придурью уродилась, ей бы только попить, поѣсть, поспать, да дѣла не вѣдать.

На первыхъ порахъ свекровь сноху всячески ублажала: и поздно будила, и сладко кормила, а сама всю бабью работу за двоихъ справляла. Вотъ разъ слышитъ она, сноха въ избѣ голосомъ воетъ, словами причитаетъ: „свѣтъ ты мой, крошенинка, забыла я тебя,

покинула у родимой у матушки!“ Старуха со всѣхъ ногъ кинулась въ избу: — что, сношенька, чего тебѣ, о какой крашенинѣ поминаешь?

— Да что дома у родимой на печи осталась.

— А много ли аршинъ? сами красили, аль красильщикамъ отдавали? допытывала свекровь. Нишни, Акуля, мать не покорыстуется, отдастъ.

— Да, какъ не отдастъ! чай мою-то крошенинку давнымъ-давно съѣли! а я въ квасокъ-то густо-нагусто хлѣба покрошила, да лучку съ маслицемъ положила!

Акуля помянула объ окрошкѣ, а свекровь ея думала, что она плачетъ о крашеномъ холстѣ, изъ котораго бабы сарафаны шьютъ.

Разъ накроила свекровь сыну рубашекъ и сѣла съ невѣсткой шить. Сидитъ моя молодая, тычетъ иглой да пыхтитъ; глянула ста-

руха на невѣсткину работу и видитъ, что Акулина шьетъ не полюдски, отъ себя.

— Акуля, что шьешь не оттуля?

— Незамай, матушка, я еще пороть стану, отвѣчала та.

Вотъ собралась старуха въ дальнее село, свою больную дочку провѣдать; стала она съ дѣтьми прощаться и наказываетъ сыну: „чтобы жену любилъ, хорошо кормилъ, уму-разуму училъ; а ты, невѣстынька, мужа слушайся, работу помни, сложа руки не сиди, послѣ каждаго дѣла за прялку хватайся, за это станетъ и мужъ любить и добрые люди хвалить!“

— Ладно, мамушка, сказала Акуля. — Поцѣловались онѣ со свекровью въ двѣ щеки, поклонились другъ другу въ оба плеча малымъ поклономъ, да еще однимъ большимъ и разошлись каждая въ свою сторону.

Вотъ Акуля, помня свекровинъ наказъ, за какое дѣло ни возьмется, все за прялку схва-

тится, творогъ ли отжимаетъ, тѣсто ли мѣситъ, уткамъ ли кормъ готовитъ, а сама хвать да хвать за прялку, да такихъ лепешекъ насажала, что мужъ всилу косаремъ отскребъ. Акуля сдуру не уразумѣла свекровиныхъ словъ: та наказывала ей держаться за прялку умомъ, не покидать, не забывать ея, потому что прялка весь домъ одѣваетъ, а она, сноха, стала только за нее руками хвататься! Безъ старухи пришла на Акулю тяжелая пора: и печь затопи, и хлѣба испеки, и кашу завари, и щей приставь, одной не управиться! Вотъ соскучась работой, затѣяла Акуля наша изъ дому бѣжать; напекла пироговъ, кокурокъ, лепешекъ, всякихъ сластей, уложила въ мѣшокъ, а сама побѣжала съ товаркой проститься, благо мужъ въ городъ на базаръ уѣхалъ. Анъ случилось на Акулину бѣду, что мужъ рано домой вернулся, увидалъ мѣшище и думаетъ: „куда это моя баба собралась, что столько харчей наготовила? дай-ка

я мѣшокъ опростаю, самъ въ него сяду да за ней пригляжу!“ Какъ сгадалъ, такъ и сдѣлалъ. Пришла Акулина, схватила мѣшокъ, взвалила его на плеча и пошла домой, къ родной своей матери. Прошла верстъ пятокъ и хоть была она баба дюжая, сильная, а все же волоча уморилась, мужа за плечами; вотъ спустила, мѣшокъ сѣла на пенекъ и говоритъ: „сѣсть-бы, сѣсть на пенекъ, съѣсть-бы, съѣсть пирожокъ!“

А мужъ изъ мѣшка какъ крикнетъ: „эй, жена, куда запропастилась, вотъ ужо, дай срокъ, нагоню я тебя!“

„Ахъ, батюшки свѣты, некакъ хозяинъ въ погоню за мною побѣгъ!“ Тутъ схватила Акуля мѣшокъ и ну улепетывать отъ мужа, а не знаетъ того, что мужъ на ея же шеѣ сидитъ. Бѣжала, бѣжала, до смерти устала, сѣла опять на пенекъ, спустила мѣшокъ и говоритъ: „сяду, сяду на пенекъ, съѣмъ-ка, съѣмъ пирожокъ!“

Вотъ мужъ опять на нее крикнулъ. Акуля испугалась, опять схватила мѣшокъ, взвалила на себя и побѣжала черезъ силу.

Бѣжала, бѣжала, съ ногъ свалилась и говоритъ: „ну теперь хоть самъ станъ передо мной, не двинусь ни рукой, ни ногой!“

Вотъ самъ-то и вылѣзъ изъ мѣшка, да какъ крикнетъ на жену; „ты это что меня въ мѣшокъ посадила, видно занести, да закинуть куда хотѣла?“

Тутъ Акулина стала отмаливаться, отговариваться, что она-де вѣдать не вѣдаетъ и знать не знаетъ, какъ его вмѣстѣ съ пирогами въ мѣшокъ уложила.

— Ну ладно, баба, на этотъ разъ прощу, а впередъ не проси, зашью самое тебя въ мѣшокъ, да вотъ, какъ ты меня теперь, такъ и я тебя на темъ же мѣстѣ и свалю.

Вернулись домой. Ужъ какая неохота Акулинѣ за дѣло приниматься, на коровъ съ телятами и не смотрѣла-бы, а птицы, хотя-бъ

вовсе и въ заводѣ не было! Были-бы Акулинѣ печь да щи съ пирогами, а затѣмъ по ней хоть трава не рости!

Пришла пора хлѣбъ жать, вотъ мужъ и посылаетъ жену въ поле:

— Поди-де, пожни, не лѣнись, а я поуправясь съ дѣлами, не сегодня—завтра, и самъ на жнитво приду.

А Акулина ему въ отвѣтъ:

— Не покладаючи-де рукъ работать стану!

Напекла, настряпала баба всякой всячины, закинула серпъ на плечо и пошла дѣло дѣлать. Сперва-наперво сѣла да поѣла, потомъ оглянулась, выбрала полосу погуще да повыше, выжала мѣстечко въ свой ростъ, опять поѣла, да и завалилась на ожинѣ спать; проспала до закату, встала, доѣла остатки и пошла домой. Вотъ какъ мужъ вернулся, такъ и сталъ спрашивать жену:

— Много-ли нажала?

— Да таки цѣлое мѣстечко выжала.

— Ну ладно, сказалъ мужъ, значитъ одна полоса въ сторонѣ.

На другой день Акулина выжала другое мѣстечко и, поѣвши поплотнѣе, опять залегла спать. На третій тоже. На четвертый мужикъ самъ удосужился, и пошелъ жать; пришелъ въ поле, а всѣ его полосы стоятъ нетронутыя! Глядь поглядь, гдѣ снопы, гдѣ жена? сноповъ не видать, а жена такъ храпитъ, что во всемъ околодкѣ слышно. Вотъ мужичекъ нашъ побѣжалъ скорѣе домой, захватилъ ножницы, смолы да пуху, выстригъ сонную бабу подъ гребенку, вымазалъ ей голову смолой, осыпалъ пухомъ и пошелъ опять, какъ ни въ чемъ не бывало, домой. Сколько ни спи, уже когда-нибудь да проснешься. Проснулась Акулина, пошла на ручей напиться; пьетъ, а сама въ воду смотритъ и говоритъ: „что это словно не я воду пью? я это али не я? пойти развѣ у кого спросить, а не то лучше вотъ что сдѣлаю: пойду-ка домой,

коли собака наша на меня залаетъ, такъ стало быть я не я.“ Вотъ и пошла Акуля въ деревню, а деревня пуста, въ ней нѣтъ ни души, всѣ въ полѣ на работѣ; заглянула въ свою избу и спрашиваетъ тихонечко въ окно: „Акулина ваша дома?“ Мужъ смекнулъ въ чемъ дѣло, да и говоритъ: „давно пришла, чего надо?“ Промолчавъ да постоявъ у воротъ, она стала жучку вызывать: „жученька, голубушка, постотри-ка ты на меня, я это али не я?“

Послышавъ хозяйкинъ голосъ, жучка вылѣзла, да какъ увидала Акулину, такъ и залаяла благимъ матомъ. Вотъ баба наша со всѣхъ ногъ метнулась изъ деревни въ лѣсъ, бродила тамъ, не пивши не ѣвши, цѣлыя сутки и до сихъ поръ бы ходила, кабы мужъ не сжалился, да не привелъ ее домой. Съ той поры полно дурить, лѣнь съ нея какъ рукой сняло! Пришла старуха свекровь, пріѣ-

хала и родная мать на побывку къ зятю, и обѣ старухи диву дались, какая у нихъ дочка работящая да смышленая стала!

АѲОНЯ ДУРАЧЕКЪ.

Жили-были три брата; двое умныхъ, Кирила да Гаврила, а третій дурачекъ Аѳоня. Жили они дружно и хоть старшіе братья меньшаго журили, а бить не били: вѣдь въ дуракѣ и Богъ не воленъ, ума къ кожи не пришьешь; ты стели ему вдоль, а онъ мѣритъ поперекъ; что ни скажетъ, что ни сдѣлаетъ, все не по-людски, а по-своему, по-дурацкому разуму! Вотъ сидитъ онъ разъ на заваленкѣ, да на своей рожѣ мухъ бьетъ; извѣстно, что на дурака и муха падка. Идетъ сосѣдка, ищетъ ребенка и говоритъ:

— Охъ, охонюшки, не видалъ ли ты, Аѳонюшка, моего Васьки?

— Видѣлъ, говоритъ дуракъ.

— Ахъ ты мой, такой сякой разумный, гдѣ же и когда ты его видѣлъ?

— А какъ невѣстка его била, говоритъ дуракъ, тогда видѣлъ!

— Твоя невѣстка моего Васютку била! да за что же это она не него злодѣйка взъѣлась?

— А вотъ за что, говоритъ, по чужимъ огородамъ не ходи! да каково больно билато, прибавилъ дуракъ, ажно жалко стало.

— А ты чего смотрѣлъ, не отнялъ, приставала сосѣдка.

— Некогда было, невѣстка за веревкой въ клѣть посылала.

— А на что ей понадобилась веревка?

— Ваську вязать.

— Ахъ, батюшки свѣты!

Тутъ дуракъ испугался, что проговорился, и началъ бабу просить: чтобы она никому не сказывала, какъ невѣстка Ваську била, да на веревку посадила и отвязывать запретила.

— Аѳонюшка, золотой мой паренекъ, хочешь рѣдички?

— Не хочу.

— Хочешь огурчиковъ съ кваскомъ?

— Не хочу.

— Хочешь калачика съ медкомъ?

— Хочу, сказалъ дуракъ.

— Такъ сослужи мнѣ службу, отвяжи ты моего Васеньку, да выведи его ко мнѣ.

— Ладно, сказалъ дуракъ, и побѣжалъ въ хлѣвъ.

Долго ли, коротко ли онъ тамъ возился, а вышелъ таки на дворъ, вытянувъ за собой чернаго козла Ваську, да и говоритъ сосѣдкѣ:

— На возьми, только невѣсткѣ не сказывай.

Разсердилась баба, что попусту время потеряла, чуть-чуть не вцѣпилась Аѳонѣ въ волоса, да благо невѣстка вступилась. Баба

плюнула на дурака и пошла дальше искать своего парнишку.

Затѣяли разъ Кирила съ Гаврилой къ празднику пиво варить; сварили, въ бочку слили да въ погребъ бочку спустили. Стала хозяйка пивомъ хвалиться: „Ахъ, кумушка голубушка, какое у насъ къ празднику будетъ пиво, сущее диво: не успѣли въ бочку слить, а оно ужь бродить и играть стало!“

„Дай-ка, думаетъ Аѳонюшка, погляжу я, какъ пиво играетъ, чай въ свайку, въ лапту, аль въ чехарду?“ Пошелъ, поглядѣлъ на бочку и около, пива не видать; нагнулся къ ней и слышитъ, что въ бочкѣ какъ въ ульѣ гудетъ. „А-а! такъ вонъ оно какъ играетъ, — говоритъ Аѳоня, — знать сердится, что его въ бочку заперли, дай ототкну затычку, пусть его разгуляется!“ Вотъ присѣлъ нашъ дуракъ къ бочкѣ и ну тянуть гвоздь; бочка покачнулась, пиво всколыхнулось, затычка выскочила, пѣна брызнула и залѣпила глаза дураку;

пока онъ ихъ теръ-протиралъ, а пиво все до капли изъ бочки ушло и залило погребицу. Что дѣлать дураку! Взялъ колъ и ну хлестать по пиву, приговаривая: „Вишь, глупое, и на просторъ-то выпустить нельзя, полѣзай назадъ, доколѣ невѣстка не провѣдала!“ Но пиво не слушалось дурака и въ бочку не шло. Разсердился Аѳоня, забранилъ пиво, захлесталъ его пуще прежняго. На крикъ дурака сбѣжались братья, увидали бѣду, выгнали дурака изъ погреба; знать, пословица правду говоритъ: „съ дураками пива не сваришь, а и сваришь, такъ не разопьешь.“ Пуще же всѣхъ осерчала невѣстка: „не хочу съ дуракомъ жить; пусть его въ люди идетъ уму-разуму учиться!“

Вотъ и отдали дурака въ заработки, а на тяжелую работу куда какъ онъ былъ дюжъ! Гаврила съ Кирилой ударили за брата по рукамъ, выговорили ему харчей въ волю, одежу: зипунъ, сапоги, шапку да красный

кушакъ, да по три деньги въ день. Увезли дурака за тридевять верстъ, прожилъ дуракъ тамъ безъ году недѣлю, соскучился по родной печи, по жучкѣ, по братьямъ да по сердитой невѣсткѣ; простился съ хозяевами, обулся, одѣлся и пошелъ во-свояси. Вотъ идетъ онъ путемъ-дорогой; летитъ грачъ, кричитъ: „каръ, каръ, красны сапоги, красны сапоги", а Аѳонѣ показалось, что грачъ кричитъ: „крадены сапоги, крадены сапоги!" онъ снялъ сапоги, бросилъ ихъ, и пошелъ далѣе. Летитъ синичка, кричитъ: „зинь, зинь, зинь!" а Аѳонѣ показалось, что синичка кричитъ: „скинь, скинь, скинь!" онъ снялъ кафтанъ и бросилъ его на дорогѣ, а самъ пошелъ, необутый, неодѣтый; погода же стояла куда какая морозная. Вотъ пришелъ домой; первая завидѣла его невѣстка:

— Здорово, братъ Аѳоня, что больно налегкѣ пришелъ, — спросила она, — гдѣ одежда?

— На дорогѣ оставилъ.

— Что такъ?

— Да вотъ такъ и такъ, — тутъ дуракъ ей все разсказалъ.

Баба всплеснула на него руками:

— Эхъ, Аѳоня, Аѳоня, на головѣ-то густо, да въ головѣ пусто; тебѣ съ твоимъ умомъ, только пугаломъ въ горохѣ сидѣть!

Пришли братья, посердились на дурака, побранили его, а все-таки накормили и на печь спать уложили.

Досталась Аѳонѣ послѣ крестнаго отца корова, скотинка диковинная: съѣдала въ день по копнѣ, а молока давала по ложкѣ. Кирила съ Гаврилой рѣшили чернаву продать. Услыхалъ про то дуракъ, накинулъ коровѣ на рога веревку и, не сказавшись братьямъ, повелъ ее продавать. Шелъ, шелъ, зашелъ въ лѣсъ, а въ лѣсу стоитъ сухая береза, покачивается да поскрипываетъ. Вотъ, думаетъ дуракъ, знать, это купецъ корову торгуетъ; „изволь, — говоритъ, — братъ, дешево отдамъ.“

А береза пуще прежняго по вѣтру закачалась, да заскрипѣла.

„Что, аль денегъ пообождать надо?— спросилъ дуракъ, — изволь обожду до завтра!“ Взялъ корову, привязалъ къ сухому сучку, а самъ пошелъ домой. Дома братья переполохнулись: „гдѣ корова, гдѣ дуракъ?“ а сосѣди имъ въ отвѣтъ: „Аѳоня-де пошелъ въ лѣсъ и корову на привязи повелъ.“ Вотъ Гаврила съ Кирилой побѣжали слѣдомъ за дуракомъ и повстрѣчали его на перекресткѣ.

— Гдѣ былъ, куда дѣлъ корову?

— Кто? я? спросилъ дуракъ, въ торгу былъ.

— А корова гдѣ?

— Продалъ.

— А деньги гдѣ?

— Маленько пообождать просили.

— Смотри, дуракъ, чтобъ не обманули!

— А это на что? спросилъ Аѳоня, вытягивая кулачище.

Братья приступили къ нему:

3

— Кому продалъ, сказывай!

— А я почемъ знаю? земляку продалъ, твердилъ Аѳоня, и больше отъ него ничего не добились.

На другой день чѣмъ свѣтъ Аѳоня всталъ и пошелъ въ лѣсъ къ сухой березѣ, а береза все стоитъ да поскрыпываетъ, коровы же на привязи не видать: должно быть, прохожіе взяли либо волки съѣли.

„Что, землякъ, аль еще обождать? — спросилъ дуракъ,—изволь, такъ и быть, до завтра подожду, а ужь завтра, смотри на меня не пѣняй!“ Пришло завтра, Аѳоня чѣмъ свѣтъ собрался, заткнулъ за поясъ топоръ, зазасучилъ про запасъ рукава и пошелъ въ лѣсъ, а береза стоитъ, да пуще прежняго раскачивается. „Ну нѣтъ, землякъ, не на такого напалъ,“ сказалъ Аѳоня, да какъ хватитъ березу топоромъ, разъ, другой, пятый, десятый; дуракъ съ сердцовъ такъ рубитъ, что щепы за опушку летятъ. Вдругъ изъ ду-

ила выпала кубышка, а изъ кубышки посыпались серебряныя деньги, а это вишь былъ кладъ. Дуракъ поднялъ кубышку, собралъ деньги и примолвилъ: „Вѣдь говорилъ я тебѣ, землякъ, что шутить съ тобой не стану, кулаковъ не пожалѣю,“ и пошелъ домой. Пришелъ, а братья вскинулись на него: „аль опять безъ денегъ вернулся?“ Тутъ дуракъ съ хохотомъ бросилъ на столъ кубышку: „вотъ,— говоритъ, — вамъ корова, берите!“ Кубышка упала, крышка скатилась, деньги разсыпались. Увидавъ такую пропасть денегъ, братья перепугались: „гдѣ взялъ такое богатство?“ спросили Кирила съ Гаврилой.

— Землякъ далъ, отвѣчалъ Аѳоня.

— За корову ту?

— За корову.

„Ну, знать дуракъ на дурака напалъ,“ подумали братья, собрали деньги и схоронили въ сундукъ, а дураку Аѳонѣ купили синій кафтанъ, красный кушакъ, да шляпу съ па-

влиньимъ перомъ. Вотъ и щеголяетъ нашъ Аѳоня по селу, каблуками потопывая, руками потряхивая, а ребятишки драчуны спереди и сзади бѣгутъ да кричатъ: „вонъ-де нарядилась ворона въ павлиньи перья!“ Аѳонѣ то и любо, то и весело, много-де народу, всѣ его одежду видятъ! Такъ и прожилъ нашъ Аѳоня, дуракъ дуракомъ, вѣдь на деньги ума не прикупишь!

КОМАРОВО ГОРЕ.

Сбирался комарикъ
Жениться
Что на той ли на мушкѣ,
На горюшкѣ.
Налетѣли сверчки,
Да раскорили;
Ну что-жъ эта, комарикъ,
За невѣста:
Ни ткать, ни прясть
Не горазда;
Она шелкомъ шить
Не умѣетъ.
Полетѣлъ комарочекъ
Во лѣсочекъ,

Сѣлъ комарочекъ
На дубочекъ,
На зеленый ли дубочекъ,
Подъ листочекъ,
Какъ ударился комарикъ
О сырую землю,
Разсыпалися кости
Комаровы.

ЗАЙЧИКЪ.

— Гдѣ ты былъ, заинька,
Гдѣ ты былъ, бѣленькой?
— Въ огородѣ, пане мой,
Въ огородѣ, душа мой,
Заинька, да бѣленькой!
— Чтожъ тамъ дѣлалъ, заинька,
Чтожъ ты тамъ дѣлалъ, бѣленькой?
— Я капусту щипалъ,
Я бѣлую ломалъ.
— Не били ль тебя, заинька,
Не били ль тебя, бѣленькой?
— Били, били, пане мой,
Били, били, душа мой!
— Какъ же тя били, заинька,

Какъ же тя били, бѣленькой?
— Катюша помеломъ,
По бокамъ кулакомъ,
Марѳуша кочергой,
А Дуняша удала
За усики подрала.
— Плакалъ ли ты, заинька,
Плакалъ ли ты, бѣленькой?
— Плакалъ, плакалъ, пане мой!
Плакалъ, плакалъ, душа мой!
— Какъ же ты плакалъ, заинька?
Какъ же ты плакалъ, бѣленькой?
— Лапками рыльце утиралъ,
За слезами свѣта не видалъ.

КОЛЫБЕЛЬНЫЯ ПѢСНИ.

I.

Ходитъ котикъ по горенкѣ,
Смотритъ котя въ окошечко,
Котикъ сѣренькій,
Хвостикъ бѣленькій,
Лапка бархатная.
Поди, котя, въ Торжокъ,
Купи, котя, пирожокъ;
Самъ кусочекъ откуси,
А мнѣ цѣлый принеси.
Я тебѣ коту,
За работу заплачу,
Красну шапочку куплю.

II.

Приходили по кота
Со боярскаго двора:
Приди, котя, ночевать,
Малыхъ дѣтокъ утѣшать.
Нашу барышню качать.
Котъ-то ворчитъ,
Наша барышня молчитъ.
У кота-кота колыбелька хороша,
А у барышни моей
Есть получше твоей,
Точеная, золоченая,
Крюкъ золотой,
Ремни шелковые,
Колечки, пробойчики
Серебряные.

III.

Спи, дитя, усни,
Угомонъ возьми.

Ходитъ сонъ по сѣнюшкамъ,
А дрема-то по новымъ
Ходитъ сонъ да валится
А дрема-то передъ нимъ.
Сонъ говоритъ,
Дрема спрашиваетъ:
Еще чья-то качалочка
Въ высокомъ терему,
Чья золотая
Въ шитомъ бранномъ пологу?
Въ этой качалочкѣ
Олинька лежитъ,
Въ этой золотой
Платоновна лежитъ.
Сии, дитя, до утра
До бѣлова дня,
Какъ будетъ пора,
Мы разбудимъ тебя.

IV.

Нянюшки и мамушки, качайте дитя,
Красныя дѣвушки, баюкайте дитя,
Молодыя молодушки, люлюкайте дитя,
Старыя старушки, спать укладывайте.
Спи по ночамъ, да рости по часамъ,
Выростишь велика, станешь въ золотѣ ходить,
Нянюшекъ, мамушекъ обносками дарить,
Краснымъ дѣвушкамъ по ленточкѣ,
Молодымъ молодушкамъ на повойничку,
Старымъ старушкамъ на повязочкѣ.

БОЛЬНОЙ ВОРОБЕЙ.

— Дома ль, кумъ, воробей? —
„Дома.“
— Что онъ дѣлаетъ? —
„Боленъ лежитъ,“
— Что у него болитъ? —
„Плечики.“
Сходи, кума, въ огородъ, —
Сорви травы гречки,
Попарь ему плечки!
Парила, кумушка,
Парила, голубушка,
Его паръ не беретъ,
Только сердца придаетъ.
— Дома ль, кумъ, воробей? —

„Дома.“
— Что онъ дѣлаетъ? —
„Боленъ лежитъ.“
— Что у него болитъ? —
„Животокъ.“
Сходи, кума, въ огородъ, —
Сорви травкирэтэкъ,
Попарь ему животокъ.
Парила, кумушка,
Парила, голубушка,
Его паръ не беретъ,
Только сердца придаетъ.
— Дума ль, кумъ, воробей? —
„Дома.“
— Что онъ дѣлаетъ? —
„Боленъ лежитъ.“
— Что у него болитъ? —
„Пяточки.“
Сходи, кума, въ огородъ, —
Сорви травы мяточки,
Припарь ему пяточки,

Парила, кумушка,
Парила, голубушка,
Его паръ не беретъ,
Только сердца придаетъ.

ГОСТЬЯ.

Городомъ я шла зарею,
Ко бору пришла тучею,
Ударила въ ворота бурею,
Пустила по двору сильный дождь,
Сама я поплыла уткою.
На крыльцо я взошла павою,
Во новыя ворота лебедкою,
Во высокъ теремъ дѣвушкой.

КОЗЕЛЪ ХВАСТУНЪ.

Какъ у бабушки козелъ,
У старой бабы сѣдой.
Тиру-ка нука, тили-ли,
Тилилюшеньки мои!
Онъ на шесточкѣ лежалъ,
Судомоичку лизалъ.
Отпросился козелъ
На часокъ во лѣсокъ.
Ахъ ты, бабушка,
Ты, Варварушка,
Отпусти-ка ты козла.
Я поймаю тебѣ
Волка сѣренькаго,
Лису желтенькую,

А волчицу на капотъ,
А лисицу на салопъ.
Какъ на встрѣчу козлу,
Идутъ семь волковъ,
Осьмой-отъ волкъ,
Подопрѣлый бокъ:
Онъ семь лѣтъ говѣлъ,
Все козлятинки хотѣлъ.
Испугался козелъ,
Испугался сѣдой;
Онъ бородочкою трясетъ.
Точно вѣничкомъ,
Онъ ножками стучитъ,
Словно ступочками,
Ахъ ты, бабушка,
Ты, Варварушка,
Отворяй-ка ворота,
Принимай-ка козла!

ДОМОВНИЦА.

Курочка по сѣнюшкамъ
Похаживаетъ, поговариваетъ.
Еще какъ да кудакъ
Не бывало въ домѣ такъ.
Гдѣ хозяюшка гуляетъ?
Въ печи кашнички горшечки
Всѣ надсѣлись кипучи;
На привязочкѣ теля
Удавилося ревя;
Въ колыбеличкѣ дитя
Надорвалося воня.
Ушла наша хозяюшка
Въ три поля гулять,
Во первое въ яровое,

Во другое во ржаное,
А въ третье поле въ конопли.
Въ конопляхъ-то воробьи.
Воробей ты полоротъ,
Не кричи во весь народъ.
Мой батюшка у воротъ
Зоветъ меня въ огородъ,
Чесноку, луку полоть,
Луку сѣянаго,
Маку вѣянаго.
Я нарву-то луку въ руку,
Во другую чесноку,
Помираю со смѣху
На Романову сноху,
У Романовой снохи
Сарафаны хороши,
На полахъ-то галуны
На подпольяхъ шабоны *).
Что на улицѣ шумятъ,

*) Лохмотья.

Сарафанъ бабы дѣлятъ:
Кому клинъ, кому станъ,
Кому весь сарафанъ,
Кому пуговки литыя,
Кому петельки витыя,
А боярамъ господамъ
На ушочки къ сапогамъ.
Поповымъ дочерямъ,
На подвязочки къ чулкамъ.

ПЕРЕПОЛОХЪ.

Ходитъ курочка,
Съ ножки на ножку поступываетъ,
Лапками постукиваетъ.
Поповы-то дѣти
Горохъ молотили,
Цѣпы перебили,
За тынъ побросали
Въ курицу попали;
А изъ курицы перо,
Да подъ Захарово село.
Захаръ съ мѣшкомъ,
Жена съ горшкомъ,
Малы дѣтки, соколятки
Съ уполовничками.

Гори, гори жарко,
Ѣдетъ Захарка,
Самъ на лошадкѣ.
Жена на коровкѣ,
Дѣтки на телятках,
А слуги на собакахъ,
А въ Захаровомъ селѣ
Собаки на привязи потявкиваютъ,
Медвѣдь на цѣпи порявкиваетъ.

СГОВОРЪ СОВЫ.

Сова ль моя, совушка,
Вдова ль моя, вдовушка,
Залѣсная барыня,
Ульяна Степановна,
Гдѣ же ты живала,
Гдѣ же ты бывала?
Живала я, совушка,
Бывала я, вдовушка,
Во темныхъ лѣсищахъ,
Во сырыхъ дуплищахъ.
Знаютъ меня, совушку,
Знаютъ меня, вдовушку,
Два луня бѣлыхъ,
Два друга милыхъ.

Стали сову сватать,
Сватовъ засылать,
Сову убирати,
Въ лапти обувати,
Въ лапти, въ ошметки,
Въ онучи, отрепки,
Въ платье рогожное,
Въ ожерелье гороховое.
Воронъ былъ поваромъ,
Сорока стряпухой.
По дворамъ летали,
Куръ собирали,
На свадьбу сзывали:
Куры, вы дуры,
Жалуйте на свадьбу;
У насъ нынче праздникъ,
Праздникъ Вознесенье,
Большое веселье,
Сову замужъ отдаемъ
За бѣлаго луня,
За милаго друга.

У нашего луня,
У нашего бѣлаго
Сорокъ кадушекъ
Соленыхъ лягушекъ,
Сорокъ амбаровъ
Сухихъ таракановъ,
Пятьдесятъ поросятъ,
Только ножки висятъ.

ДѢВКА СЕМИЛѢТКА.

Какъ по мосту, по мосточку,
Шла дѣвка семилѣтка,
За дѣвушкой сынъ купецкой:
— Постой, дѣвка семилѣтка,
Загадаю три загадки,
Изволь, дѣвка, отгадати:
А что растетъ безъ кореньевъ,
А что цвѣтетъ безъ алаго цвѣту,
А что шумитъ безъ буйнаго вѣтру?
„Растетъ камень безъ кореньевъ,
Шумитъ вода безъ буйнаго вѣтру,
Цвѣтетъ сосна безъ алаго цвѣту.“

ПОСЛУШНАЯ ЖЕНА.

Заставилъ меня мужъ-господинъ
Баню-банюшку топить,
А я, ходя, баю, баю,
Будто банюшку топлю.
Заставилъ меня мужъ-господинъ
Вѣникъ-вѣничекъ вязать,
А я, ходя, вѣю, вѣю,
Будто вѣничекъ вяжу.
Заставилъ меня мужъ-господинъ
Щелокъ щелочить,
А я, ходя, щолкъ, щолкъ!
Будто щелокъ щелочу.
Заставилъ меня мужъ-господинъ
Шаекъ-шаечекъ искать,
А я, ходя, шарю, шарю,
Будто шаечекъ ищу.

ВЕСЕННІЙ ДОЖДЬ.

Дождикъ, дождикъ,
На дѣдову пашеньку,
На бабинъ ленъ,
На барскій хмѣль,
На нашъ ячмень,
Поливай весь день!
На Иванову рожь
Поливай какъ хошь.

ТОРГЪ.

Давай-ка мы, жонушка, домокъ наживать,
Поѣдемъ, разлапушка, въ гостиный рядъ гулять,
Купимъ-ка, жонушка, курочку;
Курочка по сѣнюшкамъ: тюкъ-тюрю-рюкъ!
Давай-ка мы, жонушка, домокъ наживать,
Поѣдемъ, разлапушка, въ гостиный рядъ гулять,
Купимъ-ка, жонушка, уточку;
Уточка съ носка плоска,
Курочка по сѣнюшкамъ: тюкъ-тюрю-рюкъ!
Давай-ка мы, жонушка, домокъ наживать,
Поѣдемъ, разлапушка, въ гостиный рядъ гулять,

Купимъ-ка, жонушка, гусыньку;
Гусынька: га, га, га, га!
Уточка съ носка плоска,
Курочка по сѣнюшкамъ: тюкъ-тюрю-рюкъ!
Давай-ка мы, жонушка, домокъ наживать,
Поѣдемъ, разлапушка, въ гостиный рядъ гулять,
Купимъ-ка, жонужка, индюшечку;
Индюшечка: шулды-булды,
Гусынька: га, га, га, га!
Уточка съ носка плоска,
Курочка по сѣнюшкамъ: тюкъ-тюрю-рюкъ!
Давайка-мы, жонушка, домокъ наживать,
Поѣдемъ, разлапушка, въ гостиный рядъ гулять,
Купимъ-ка, жонушка, барашка;
Барашекъ-то: шатры-матры,
Индюшечка: шулды-булды,
Гусынька: га, га, га, га!
Уточка съ носка плоска,
Курочка по сѣнюшкамъ: тюкъ-тюрю-рюкъ!

Давай-ка мы, жонушка, домокъ наживать,
Поѣдемъ, разлапушка, въ гостиный рядъ гулять,
Купимъ-ка, жонушка, козыньку;
Козынька-то: прыгъ, прыгъ,
Барашекъ-то: шатры-матры,
Индюшечка: шулды-булды,
Гусынька: га, га, га, га!
Уточка съ носка плоска,
Курочка по сѣнюшкамъ: тюкъ-тюрю-рюкъ!
Давай-ка мы, жонушка, домокъ наживать,
Поѣдемъ, разлапушка, въ гостиный рядъ гулять,
Купимъ-ка, жонушка, коровку;
Коровка-то: мыкъ, мыкъ,
А козынька: прыгъ, прыгъ,
Барашекъ-то: шатры-матры,
Индюшечка: шулды-булды,
Гусынька: га, га, га, га!
Уточка съ носка плоска,
Курочка по сѣнюшкамъ: тюкъ-тюрю-рюкъ!

Давай-ка мы, жонушка, домокъ наживать,
Поѣдемъ, разлапушка, въ гостиный рядъ гулять,
Купимъ-ка, жонушка, лошадку;
Лошадка-то: ги, ги, го, го!
Коровушка-то: мыкъ, мыкъ,
Козынька-то: прыгъ, прыгъ,
Барашекъ-то: шатры-матры,
Индюшечка: шулды-булды,
Гусынька: га, га, га, га!
Уточка съ носка плоска,
Курочка по сѣнюшкамъ: тюкъ-тюрю-рюкъ!

ПЕРЕКОРЫ.

На рѣчкѣ, на рѣчкѣ,
Дѣвка платье мыла,
Звонко колотила,
На-сухо крутила,
На березѣ клала,
Тамъ и шелъ дѣтина:
— Богъ помочь, дѣвица,
Тебѣ платье мыти,
Звонко колотити,
На-сухо крутити,
На березу класти!—
Дѣвушка спѣсива,
Не дала спасибо,
Дружкомъ не назвала.
— Душечка дѣвица,
Сшей-ка мнѣ рубашку,

Не ткавши, не прявши,
Въ рукахъ не державши!—
„Душечка молодчикъ,
Выстрой теремочекъ,
Безо мху, безъ лѣсу,
Безо бѣлова тесу!“
— Душечка дѣвица,
Набери мнѣ ягодъ
Зимой объ Крещенье,
А лѣтомъ объ Вознесенье! —
„Душечка молодчикъ,
Сшей-ка мнѣ башмачки
Со желтаго песочку!“
— Душечка дѣвица,
Напряди вервицы
Со чистой водицы!—
„Душечка молодчикъ,
Слей-ка перстенечекъ
Съ краснова солнца.
Гдѣ-бъ я ни ходила,
Все бы я свѣтила.“

ЩЕГОЛИХА.

На печки сижу, заплатки плачу,
Заплатки плачу, приплачиваю;
Я мужа журю, побраниваю.
Продай, мужъ, лошадку съ коровушкою,
Купи женѣ шубку камчатненькую,
Купи женѣ сережки алмазовыя,
Купи ожерелье, жемчужный борокъ.
Я въ шубку сряжусь, къ обѣднѣ пойду!
Послушался мужъ, снарядилъ жену,
Совсѣмъ снарядилъ и къ обѣднѣ пустилъ.
А люди глядятъ: чья така? чья така?
А идетъ вѣдь это Селифанова жена!
А идетъ она, какъ пава плыветъ,
Въ церкви стоитъ, какъ свѣчка горитъ;

Рѣчь заговоритъ, какъ лебедь кричитъ!
Пришла ко двору въ нетоплену избу,
Сѣла на припечекъ, на задорожку,
А мужъ идетъ, хомутъ волочетъ!
А нутка, жена, раздѣвайся-ка!
Впрягайся сама, да въ лѣсъ по дрова!
Заѣхалъ въ цѣликъ, наклалъ возъ великъ,
Подъ гору ѣдетъ, присвистываетъ,
На гору ѣдетъ, прихлыстываетъ,
По деревнѣ ѣдетъ, народу кричитъ:
„Глядите, ребята, лошадка хороша!“
Оглянулась назадъ, а народъ наверху
Помираетъ со смѣху на Селифанову жену.
Не то мнѣ вдосаду, что возъ великъ,
А то вдосаду, что мужъ самъ сидитъ
И присвистываетъ, и прихлестываетъ:
А ну, ну, шубка камчатненькая,
Везите, сережки алмазовыя,
Тяните, ожерелье жемчужный борокъ.
Купи, мужъ, лошадку съ коровушкою:

4

Пусть наша лошадка по плашкѣ возитъ,
По плашкѣ возитъ, да избу топитъ;
Пусть наша коровка по ложкѣ доитъ,
По ложкѣ доитъ, да щишки бѣлитъ.

Игры хороводныя.

ПРОСО.

Самая старинная игра, извѣстная на всей Руси; припѣвъ ея: „Дидъ Ладо“ относится къ отдаленной древности, даже къ языческимъ временамъ славянства, равно какъ и припѣвы нѣкоторыхъ другихъ: „люли, люшеньки люли, лиле, усень, авсень, таусень.“ Играющіе дѣлятся на двѣ половины и, взявшись за руки, становятся на двѣ вереницы другъ противъ друга, на разстояніи двадцати или тридцати шаговъ; потомъ одна изъ вереницъ, мѣрно подходя къ другой, протяжно запѣваетъ:

1-я вереница.

А мы просо сѣяли, сѣяли.

Ой Дидъ Ладо, сѣяли, сѣяли!

Допѣвая припѣвъ, вереница эта отступаетъ задомъ, не оборачиваясь на свое мѣсто; тогда вторая вереница подходитъ къ первой, запѣвая:

2-я вереница.

А мы просо вытопчемъ, вытопчемъ,

Ой Дидъ Ладо, вытопчемъ, вытопчемъ!

и пропѣвъ это, отходитъ подобно первой на свое мѣсто.

Первая же опять идетъ запѣвая:

1-я вереница.

А чѣмъ же вамъ вытоптать, вытоптать,

Ой Дидъ Ладо, вытоптать, вытоптать!

Пропѣвъ это отходитъ; тогда вторая вереница идетъ запѣвая:

2-я вереница.

А мы коней выпустимъ, выпустимъ,

Ой Дидъ Ладо, выпустимъ, выпустимъ!

Вся игра эта заключается въ томъ, что играющія вереницы поочередно, подходя другъ къ другу, заявляютъ свои угрозы и оканчиваютъ мировою. Пѣсня продолжается такъ:

1-я вереница.

А мы коней переймемъ, переймемъ,
Ой Дидъ Ладо, переймемъ, переймемъ!

2-я вереница.

А чѣмъ же вамъ перенять, перенять?
Ой Дидъ и проч.

1-я вереница.

Шелковымъ поясомъ, поясомъ!
Ой Дидъ и проч.

2-я вереница.

А мы коней выкупимъ, выкупимъ!
Ой Дидъ и проч.

1-я вереница.

А чѣмъ же вамъ выкупить, выкупить?
Ой Дидъ и проч.

2-я вереница.

А мы дадимъ вереницу, вереницу! *)
Ой Дидъ и проч.

1-я вереница.

Не надо намъ вереницы, вереницы!
Ой Дидъ и проч.

2-я вереница.

А что же вамъ надо, надобно?
Ой Дидъ и проч.

1-я вереница.

А дайте намъ дѣвицу, дѣвицу!
Ой Дидъ и проч.

Вторая подходя уступаетъ дѣвушку, а сама поетъ:

Вотъ вамъ дѣвица, дѣвица!
Ой Дидъ и проч.

---

*) Вереница встарину, какъ куница и другіе мѣха, замѣняла деньги; это повидимому векша либо горностай, по-крайности она равнялась имъ по ходячей цѣнѣ.

Первая вереница поетъ:

А нашего полку прибыло, прибыло!

Ой Дидъ и проч.

2-я вереница.

А нашего полку убыло, убыло!

Ой Дидъ и проч.

Иногда игра оканчивается на первой дѣвушкѣ, иногда же продолжается до тѣхъ поръ, пока вся вторая вереница не перейдетъ въ первую.

МАКЪ.

Играющіе становятся въ кружокъ, выбираютъ кого нибудь изъ среды себя макомъ, ставятъ его посередкѣ, что и называется— макомъ сидѣть, а сами, взявшись за руки, начинаютъ водить хороводъ, то-есть ходить кругомъ и пѣть:

Ай на горѣ макъ, макъ,
А подъ горою такъ, такъ,
Ай маки, маки, маковицы,
Золотыя головицы!
Станемъ мы въ рядъ,
Спросимъ про макъ.

Пропѣвъ это, останавливаются и спрашиваютъ у того, кто стоитъ посередкѣ:

Взошелъ ли макъ?

Макъ отвѣчаетъ имъ:

Всходитъ.

Тогда хороводъ опять идетъ вокругъ и запѣваетъ:

Ай на горѣ макъ, макъ и проч.;

пропѣвъ до конца, останавливаются и спрашиваютъ:

Цвѣтетъ ли макъ?

Макъ отвѣчаетъ:

Зацвѣлъ.

Хороводъ опять начинаетъ кружить и пѣть то же, потомъ, остановясь, спрашиваетъ:

Поспѣлъ ли макъ?

Макъ имъ отвѣчаетъ:

Поспѣваетъ.

Тогда хороводъ начинаетъ ходить и пѣть:

Золотой нашъ макъ!
Въ полугорьи макъ,
Въ косогорьи макъ,
Маки маковицы,

Золотыя головицы!
Станемте мы въ рядъ,
Спросимте про макъ.

Остановясь спрашиваетъ: „поспѣлъ ли макъ?“ А онъ имъ отвѣчаетъ: „поспѣлъ, идите трясти!“ Сказавъ это, бросается вонъ изъ хоровода, всѣ играющіе бѣгутъ за нимъ, ловятъ его, и если поймаютъ, то обходятся какъ съ настоящимъ спѣлымъ макомъ: гнутъ, трясутъ, нагибаютъ, макъ старается какъ-нибудь вывернуться, отбиться и убѣжать; наконецъ взъерошенный макъ убѣгаетъ, а играющіе хохочутъ ему въ слѣдъ.

СЕЛЕЗЕНЬ.

Играющіе выбираютъ кого-нибудь въ селезни; селезень, корчась и пожимаясь словно отъ холоду, садится на травку, а хороводъ начинаетъ, ходя вокругъ него, пѣть:

Подъ берегомъ селезень,
Подъ крутымъ селезень,
Выйди, выйди, селезень,
Выдь, хохлатый селезень:

Хороводъ, останавливаясь, спрашиваетъ:

Студено-ль тебѣ, селезень?

Селезень, поднявшись съ травы, поетъ:

Мнѣ не то тепло,
Мнѣ не то студено,
Мнѣ не то одному.

Хороводъ, выслушавъ селезня, начинаетъ кружить, пѣть, снимать съ себя разную одежду, припѣвая:

Пріодѣнься, селезень;
Вотъ со дѣвушки вѣнокъ,
Со молодушки платокъ,
Со старой бабы шлыкъ,
Съ малаго дитяти пеленка,
Съ мужика бурлака
Полъ-кораблика,
Съ сѣрой утицы
Сизой пухъ.

Селезень хватаетъ все налету и каждую вещь надѣваетъ на себя; когда же пѣснь оканчивается, то онъ вдругъ вырывается изъ хоровода, унося кинутые ему платки, ожерелья и проч.; всѣ бѣгутъ за нимъ въ погоню, ловятъ и отбираютъ свое, тѣмъ игра и оканчивается.

ПИВО.

Хороводъ собирается варить пиво; берутся за руки и поютъ:

Ай на горѣ варили мы пиво;
Ладо *) мое, ладо, пиво варили!
Мы съ этого пива всѣ вкругъ сойдемся,
Ладо мое, ладо, всѣ въ кругъ сойдемся.

При послѣднихъ словахъ, на разнимая рукъ, сходятся въ тѣсный кружокъ и поютъ:

Ай на горѣ варили мы пиво,
Ладо мое, ладо, пиво варили!
Мы съ этого пива всѣ разойдемся;
Ладо мое, ладо, всѣ разойдемся!

*) Ладо встарину было славянское божество, а нынѣ слово «ладо» припѣвъ и ласка.

Хороводъ, расходясь изъ тѣсной кучи въ широкій кругъ, поетъ:

Ай на горѣ варили мы пиво;
Ладо мое, ладо, пиво варили!
Мы съ этого пива всѣ мы посядемъ,
Ладо мое, ладо, всѣ посядемъ!

Хороводъ, не разнимая рукъ, садится на землю и поетъ:

Ай на горѣ варили мы пиво;
Ладо мое, ладо, пиво варили!
И съ этого пива всѣ мы повстанемъ!
Ладо мое, ладо, всѣ мы повстанемъ!

Встаютъ, ходятъ хороводомъ и поютъ:

Ай на горѣ варили мы пиво;
Ладо мое, ладо, пиво варили!
Съ этого пива въ ладоши ударимъ,
Ладо мое, ладо, въ ладоши ударимъ!

Хороводъ бьетъ въ ладоши и продолжаетъ ходить и пѣть:

Ай на горѣ варили мы пиво,
Ладо мое, ладо, пиво варили!

Мы съ этого пива всѣ подеремся,
Ладо мое, ладо, всѣ подеремся!

Хороводъ въ шутку ссорится, потомъ идетъ и поетъ:

Ай на горѣ варили мы пиво,
Ладо мое, ладо, пиво варили!
И съ этого пива мы всѣ помиримся,
Ладо мое, ладо, мы всѣ помиримся!

Пропѣвъ это, игроки обнимаются и начинаютъ другую игру.

ЗАЙЧИКЪ.

Выбираютъ зайчика и обступаютъ его хороводомъ; зайчикъ все время пляшетъ, поглядывая, какъ бы выпрыгнуть изъ круга, а хороводъ ходитъ вокругъ, напѣвая:

Заинька, попляши,
Сѣренькій, поскачи,
Кружкомъ бочкомъ повернись,
Кружкомъ бочкомъ повернись!
Заинька, въ ладоши,
Сѣренькій, въ ладоши,
Кружкомъ бочкомъ повернись,
Кружкомъ бочкомъ повернись!
Здѣсь города все нѣмецкіе,
Закрѣпочки желѣзныя.

Кружкомъ бочкомъ повернись,
Кружкомъ бочкомъ повернись!
Есть зайцу куда выскочить,
Есть сѣрому куда выскочить,
Кружкомъ бочкомъ повернись,
Кружкомъ бочкомъ повернись!

При этомъ нѣкоторые изъ играющихъ ослабляютъ руки, указывая, откуда зайчикъ можетъ прорваться. Зайчикъ припадаетъ къ землѣ, высматриваетъ мѣсто, откуда выскочить, и прорвавшись тамъ, гдѣ не ждали, убѣгаетъ.

ВОРОБЫШЕКЪ.

Играющіе выбираютъ изъ себя воробья, ставятъ его среди хоровода; онъ приплясываетъ и попрыгиваетъ по-воробьиному, а хороводъ начинаетъ кружить и пѣть:

Скажи, скажи, воробей,
Скажи, скажи, молодой,
Какъ дѣвицы ходятъ?

Пропѣвъ это, хороводъ останавливается, а воробей, передразнивая мѣрную, плавную походку дѣвушекъ, поетъ:

Онѣ такъ, онѣ сякъ,
Онѣ этакъ, и вотъ такъ,
Туда глядь, сюда глядь,
Гдѣ молодцы сидятъ.

Послѣ воробьева отвѣта, хороводъ идетъ и поетъ:

Скажи, скажи, воробей,
Скажи, скажи, молодой,
Какъ молодцы ходятъ?

Воробей избочась, сдвинувъ шапку на-бокъ, молодецки похаживая и поглядывая, поетъ:

Они такъ, они сякъ,
Они этакъ и вотъ такъ,
Туда глядь, сюда глядь,
Гдѣ голубушки сидятъ!

Затѣмъ хороводъ поетъ:

Скажи, скажи, воробей,
Скажи, скажи, молодой,
Какъ старушки ходятъ?

Воробей беретъ палочку и тихонько бредетъ посреди хоровода, припѣвая:

Онѣ такъ, онѣ сякъ,
Онѣ этакъ и вотъ такъ,
Туда глядь, сюда глядь,
Гдѣ молодушки сидятъ!

Хороводъ запѣваетъ:

Скажи, скажи, воробей,
Скажи, скажи, молодой,
Какъ богатые ходятъ?

Воробей гордо надѣваетъ шапку, закидываетъ голову назадъ, идетъ ни на кого не глядя и никому не кланяясь, при томъ поетъ:

Они такъ, они сякъ,
Они этакъ и вотъ такъ,
Ни на право глядь, ни налѣво глядь,
Неча шапку ломать.

Хороводъ опять кружитъ и поетъ:

Скажи, скажи, воробей,
Скажи, скажи, молодой,
Какъ злые люди ходятъ?

Воробей хмурится, ежится и ходитъ, поглядывая исподлобья:

Вотъ и такъ, вотъ и сякъ,
Вотъ и этакъ и вотъ такъ,
Туда глядь, сюда глядь,
Гдѣ добрые люди сидятъ.

ПЛЕТЕНЬ.

Играющіе, взявшись за руки, становятся вереницею; двое изъ крайнихъ поднимаютъ руки воротами, а вся вереница съ запѣвалою во главѣ проходятъ въ тѣ ворота, напѣвая:

Заплетися, плетень, заплетися;
Ты завейся, труба золотая,
Завернися, камка шелковая!

Такъ проходятъ всѣ, даже и вторая съ краю, которая держала ворота; она, не разнимая рукъ, вывертывается такъ, что правая рука самаго крайняго ложится на ея лѣвое плечо, она же подымаетъ свою правую руку и держитъ новыя ворота со слѣдующею сосѣдкою. Вотъ когда такимъ образомъ начало плетня

сдѣлано, то запѣвало продолжаетъ пѣть и плести плетень, ныряя въ ворота:

Изъ-за горъ дѣвица утей выгоняла.
Тига, утушка, домой!
Тига, сѣрая, домой!
Я сама гуськомъ,
Сама сѣренькимъ,
Ой свѣтъ, сѣра утица!
Потопила малыхъ дѣтушекъ,
Во меду да во патокѣ,
Да во яствѣ сахарномъ,
Да въ питьѣ медвяномъ.
Я старымъ старикомъ
Киселя съ молокомъ;
Молодымъ молодкамъ
Шелковую плетку;
А краснымъ дѣвушкамъ
Бѣлилъ да румянъ.

Если пѣсня кончена, а плетень еще не доплетенъ, то начинаютъ пѣть съ начала и поютъ до тѣхъ поръ, пока рука передпослѣд-

ней ляжетъ на плечо запѣвалы; тогда начинаютъ расплетать плетень и пѣть:

Расплетися, плетень, расплетися;

при чемъ запѣвало, не выпуская руки сосѣдки, вывертывается на другую сторону, и такимъ образомъ плетень начинаетъ расплетаться подъ пѣсню:

Ты развейся, труба, золотая,
Ты развернися, камка шелковая!
Изъ-за горъ дѣвица утей выгоняла:
Тига, утушка, домой!
Тига, сѣрая, домой!
Я сама гуськомъ, гуськомъ,
Сама сѣренькимъ,
Ой свѣтъ, сѣра утица!
Вынимала малыхъ дѣтушекъ,
Изъ меду, изъ патоки,
Изъ яствъ сахарныхъ,
Изъ питья медвянаго.

Пѣсню эту поютъ до тѣхъ поръ, пока не расплететься весь плетень до конца.

Пословицы.

ПРАВДА.

На правду мало словъ: либо да, либо нѣтъ.

Дороги твои сорокъ соболей, а на правду и цѣны нѣтъ.

Неправдой жить не хочется, правдой жить не можется.

Не ищи правды въ другихъ, коли ея въ тебѣ нѣтъ.

Какъ ни хитри, а правды не перехитришь.

И Мамай правды не съѣлъ.

Все минется, одна правда останется.

Хороша святая правда, да въ люди не годится.

Съ правдой шутить, что съ огнемъ.

Не во всякомъ камнѣ искра, не во всякомъ мужѣ правда.

ВРАНЬЕ.

Онъ развѣ только невзначай правду молвитъ.

Ину пору проврется, такъ и правду скажетъ.

Слушать его можно, а вѣрить нельзя.

Вчера солгалъ, а сегодня лгуномъ обзываютъ.

Столько правды, какъ въ рѣшетѣ воды.

Что ступитъ, то совретъ.

Вретъ — и глазомъ не смигнетъ.

Лгать не устать, было бъ кому слушать.

Такъ вретъ, что ни себѣ, ни людямъ передышки не даетъ.

Не спорь, молчи, разсердишь—круче перевру.

Что больше вретъ, то пуще развирается.

Вралъ много, а чай больше того осталось.

Такъ вретъ, что не перелѣзешь.

Люди врутъ, навираются; нашъ вретъ, не наврется.

Всѣхъ вруновъ не переврешь.

СТРАХЪ.

У нашего Трошки задрожали ножки.
Трясется, какъ листъ на осинѣ.
Сердце екнуло, душа въ пятки ушла.
Хорошо медвѣдя въ окно дразнить.

РАЗДУМЬЕ.

Думалъ было дать, да раздумалъ опять.

Ни вонъ, ни въ избу; ни со двора, ни на дворъ.

ПОХВАЛЬБА.

Честь да мѣсто, садись да хвастай.

Хвались, де не поперхнись.

Овсяная каша хвалилась, будто съ масломъ родилась.

Самъ поетъ, самъ слушаетъ, самъ и хвалитъ.

Лучше умная хула, чѣмъ дурацкая похвала.

Пришла свинья къ коню и говоритъ: и ноги-де кривы, и шерсть нехороша.

ПРИЧУДА.

Здѣсь не сижу, дома не хочу, понесли меня къ намъ.

Угорѣла барыня въ нетопленой горницѣ.

Скажи, да укажи, да въ ротъ положи.

Дали голодной Маланьѣ оладьи, а она говоритъ: испечены неладно.

Даютъ холстъ, такъ толстъ, дали хлѣбъ, такъ не вѣянъ.

ТОЛКЪ И БЕЗТОЛОЧЬ.

Ни складу, ни ладу, ни толку.

Въ рѣшетѣ воду носитъ, ведрами вѣтеръ мѣритъ.

Я про сапоги, а онъ про пироги.

Кто въ лѣсъ, кто по дрова, кто рубль, кто полтора.

Здорово, кума? „Да на рынкѣ была!“

Не какъ глуха? „Купила пѣтуха.“

Прощай, кума! „Пять алтынъ дала.“

Ходилъ ни по что, принесъ ничего.

Иди туда, невѣдомо куда, ищи того, невѣдомо чего.

Пришла кума, такъ сядь; а почто пришла? „да такъ.“

Толкъ этотъ есть, да не втолканъ весь.

УМЪ.

Умная голова сто головъ кормитъ, а глупая и себя не прокормитъ.

Немного думалъ, да ладно молвилъ.

Умную рѣчь хорошо и слушать.

Голова безъ ума, что фонарь безъ свѣчи.

Умъ сяжкомъ подъ небеса уходитъ (сягать доставать).

ГЛУПОСТЬ.

Голова съ лукошко, а мозгу ни крошки.

На головѣ густо, а въ головѣ пусто.

Онъ безъ спотычки пяти пальцевъ не сочтетъ.

Разошелся умъ по закоулкамъ, а въ середкѣ ничего не осталось.

„Да ты бы напередъ подумалъ". Пробовалъ, братецъ, да хуже.

Спереди дуракъ, да и сзади такъ.

Радъ дуракъ, что дыра на боку.

Чужой дуракъ — смѣхъ, а свой дуракъ — стыдъ.

ЖАДНОСТЬ.

Съѣсть не могу, а покинуть жаль.

Всего добра не переѣшь.

Назаръ все одинъ слизалъ.

Въ чужихъ рукахъ пирогъ великъ, а какъ намъ достанется, малъ покажется.

УДАЧА.

Удастся — бражка, не удается — квасокъ.

И наугадъ, да въ попадъ.

И нехитро, да больно кстати.

Два ерша въ одну вершу.

Людямъ тынъ да помѣха, а ему смѣхъ да потѣха.

Кому того-сего, а кому и ничего.

НЕУДАЧА.

Мѣтилъ въ ворону, да попалъ въ корову

По усамъ текло, да въ ротъ не попало.

Была у двора масляница, и въ избу не зашла.

Ни то ни се клевало, да и то сорвалось.

ТРУДЪ.

Трудъ человѣка кормитъ, а лѣнь портитъ.
Безъ дѣла жить, только небо коптить.
Богу молись, а самъ трудись.

ЛѢНЬ.

Лежа не работаютъ.

Хочешь ѣсть калачи, такъ не сиди на печи.

Пилось бы да ѣлось, да работа на умъ не шла.

Господи, Господи, до обѣда проспали, встали да обѣдать стали, наѣлись, помолились, да опять спать повалились.

Сонливый да лѣнивый два родные брата.

Проглотить-то хочется, да прожевать лѣнь.

Семеро одну соломинку поднимаютъ.

Лѣнивому всегда праздникъ.

БОГАТСТВО.

Богатому все праздникъ.

Богатство спѣси съ родни.

У него денегъ и куры не клюютъ.

Стоитъ крякнуть да денежкой брякнуть— все будетъ.

Хорошо тому щеголять, у кого денежки гремятъ.

У богатаго все сладко, все гладко.

Какъ сыръ въ маслѣ катается.

Одна рука въ меду, другая въ патокѣ.

Только ума на деньги не купишь.

Не мудра голова, да кубышка полна.

БѢДНОСТЬ.

Тарасъ ѣсть пряники гораздъ, а Филатъ и кашѣ радъ.

Съ корочки на корочку перебивается.

У кого густо, а у насъ пусто.

На печи въ рѣшетѣ три засушенки.

Три кола вбито, да небомъ покрыто.

Ни коня, ни возу, ни того, что на возъ положить.

Стужа да нужа — нѣтъ ихъ хуже, голодъ да холодъ — нелегче того.

Съ сумой идти стыдно, а сидѣть дома тошно.

Кто нужды не знавалъ, до-сыта Богу не маливался.

ЧУЖОЕ.

Что поднялъ, то не отъ земли выросло.

Лучше свое отдать, нежели чужое взять.

За чужимъ добромъ не гоняйся съ багромъ.

Что въ другомъ не любо, того и самъ не дѣлай.

Знай, кошка, свое лукошко.

На чужой совѣтъ до зова не ходи.

Братъ сестрѣ не указъ въ стряпнѣ.

ОБИДА.

Обиженнаго обижать — двойной грѣхъ.
Гдѣ наболѣло, тамъ не тронь.
И безъ перца дойдетъ до сердца.
Кто кого смогъ, тотъ того и съ ногъ.

ССОРА.

Съ нимъ натощакъ не сговоришь.

Ты ему слово, а онъ тебѣ десять.

Спорить споръ, а браниться грѣхъ.

Не прямота бранится, а задоръ.

Браниться бранись, а на миръ слово покидай.

Ссора до добра не доведетъ.

Дракою правъ не будешь.

Лады, что у кошки съ собакою.

Одинъ рычитъ да лаетъ, другая мурлычитъ да фыркаетъ.

ДОБРО.

Доброму дѣлу не кайся.

Лучше быть въ обидѣ, чѣмъ обидчикомъ.

Своего спасиба не жалѣй, чужаго не жди.

Дружбу помни, а зло забывай.

Человѣкъ жалью живетъ (любитъ и жалѣетъ).

Доброму человѣку и чужая болѣзнь къ сердцу.

Никто не сможетъ, такъ Богъ поможетъ.

Доброму Богъ помогаетъ.

ЗЛО.

Сердце яро, мѣсто мало, расходиться негдѣ.

Глядитъ, ровно семерыхъ проглотилъ, осьмымъ поперхнулся.

На что ни взглянетъ, все вянетъ.

Гдѣ ногой ступитъ, трава не растетъ.

Самъ съ воробья, а сердце съ кошку.

Такое сердце взяло, что самъ бы себѣ языкъ прикусилъ.

ШУТКА, СМѢХЪ.

За шутку не сердись, а въ обиду не вдавайся.

Умѣй шутить, умѣй и отшучиваться.

Шутку любишь надъ ѳомой, такъ люби и надъ собой.

Шутилъ Мартынъ, да спрятался подъ тынъ.

Иной смѣхъ плачемъ отзывается.

Нѣтъ лучше шутки, какъ надъ собой (никому необидна).

ТЕРПѢНЬЕ.

Терпи, казакъ, атаманомъ будешь.
Терпѣнье и трудъ все перетрутъ.
Капля камень долбитъ.
Чей чередъ, тотъ и беретъ.
Когда будетъ рожь, тогда и мѣра.

УЧЕНЬЕ.

Наука не пиво, въ ротъ не вольешь.

Учился читать да писать, а выучился пѣть да плясать.

Не учась и лаптя не сплетешь.

Ученье свѣтъ, а неученье тьма.

Красна птица перьемъ, а человѣкъ ученьемъ.

ЧЕЛОВѢКЪ.

Руки работаютъ, а голова кормитъ.

Память въ тѣлѣ, мысль во лбу, а хотѣнье въ сердцѣ.

Человѣкъ бы человѣкомъ, да облика Господня въ немъ не стало.

Великъ тѣломъ, да малъ дѣломъ.

Людей-то много, да человѣка нѣтъ.

Семь въ тебѣ душъ, да ни въ одной пути нѣтъ (двуличность, неправдивость).

Какъ нѣтъ души, такъ что хошь пиши.

Рѣчи слышимъ, а сердца не видимъ.

Совѣсть съ молоточкомъ: и настукиваетъ, и наслушиваетъ.

У него совѣсть дырявое рѣшето.

Рожа негожа, да душа пригожа.

На красиваго глядѣть хорошо, съ умнымъ жить легко.

Не вѣрь рѣчамъ, вѣрь своимъ очамъ.

Не глаза видятъ, а человѣкъ; не ухо слышитъ, а душа.

РАЗНОЕ.

По Сенькѣ шапка.

Выбирай епанчу по плечу.

Каковъ дѣдъ, таковъ и обѣдъ.

— Собака, чего лаешь? „Волковъ пугаю.“

— Собака, чего хвостъ поджала? „Волковъ боюсь“.

Не смѣйся, квасъ, не лучше насъ.

Самъ въ грязи лежитъ, а кричитъ: не брызгай.

Не смѣйся, вода, сама молода.

Чужаго на свой аршинъ не мѣряй (не пересуждай).

Тычь, потычь, перетычь, Ильичъ; притыкай, Ѳомичъ; а ты, Кузьма, опосля потычь.

Авось да небось, хоть вовсе брось.

За твоимъ языкомъ не поспѣешь босикомъ.

Много говорено, да мало сказано.

Складно баетъ, да дѣла не знаетъ.

Языкъ напередъ ума рыщетъ (говоритъ необдуманно).

Не величка мышка, да зубокъ остеръ.

Все лучше того, какъ нѣтъ ничего.

Не только людей, что Ѳома да Ѳадей.

Загадки.

Утромъ на четырехъ ногахъ, въ полдень на двухъ, подъ вечеръ на трехъ?

Человѣкъ (ребенкомъ на четверенькахъ, а въ старости съ клюкой).

Царь видитъ рѣдко, Богъ никогда, а мы завсегда? *Себѣ ровню.*

Кругленькимъ, маленькимъ до неба докинешь?

Глазъ (глазами небо видишь).

Межъ двухъ свѣтилъ, я посередкѣ одинъ?

Носъ.

Подъ небомъ дощечка, не сохнетъ, не мокнетъ и не куржавѣетъ?

Мокренькій теленочекъ подъ лавкой лежитъ?

За бѣлыми березами тарара живетъ?

Языкъ.

Полонъ хлѣвецъ бѣлыхъ овецъ?

Бисеръ, мой бисеръ, борочкомъ снизанъ, алымъ бархатомъ опушенъ, подъ завѣтомъ заложенъ? *Зубы.*

Деревяшка везетъ, костяшка сѣчетъ, мокрый мартынъ подкладываетъ?

Деревянная ложка, зубы, языкъ.

У двухъ матерей по пяти сыновей, всѣ въ одно имя? *Пальцы.*

Что выше лѣсу? Что краше свѣту?

Красно солнышко.

Чего въ коробейку не спрятать и не запереть? *Свѣта.*

Чего въ избѣ не видно? *Тепла.*

Стоитъ садъ, въ саду двѣнадцать грядъ, на грядахъ по четыре бороздки, на каждой бороздкѣ по семи кочней?

Стоитъ дубъ, на дубу двѣнадцать вѣтвей, на каждой вѣткѣ по четыре отростка, на каждомъ отросткѣ по семи прутьевъ?

Лежитъ колода поперекъ дороги, въ колодѣ двѣнадцать гнѣздъ, въ гнѣздѣ по четыре яичка, въ яичкѣ по семи зародышковъ, что выдетъ?

Годъ (въ году двѣнадцать мѣсяцевъ, въ мѣсяцѣ четыре недѣли, въ недѣлѣ семь дней).

Триста шестьдесятъ пять голубокъ, пятьдесятъ два сокола, двѣнадцать орловъ, на золотой сосенкѣ сидятъ?

Дни, недѣли, мѣсяцы въ году.

Сестра къ брату въ гости идетъ, а онъ отъ сестры прячется? *Ночь и день.*

Безъ рукъ, безъ ногъ воюетъ?

Безъ рукъ, безъ ногъ, а ворота отворяетъ?

Отцова сундука не подымешь, матушкинаго столечника *) не скатаешь, братнина коня не обуздаешь.

Земля, снѣгъ и вѣтеръ.

Тонкій высокій упалъ въ осоку, **) самъ не вышелъ, а дѣтей вывелъ?

Дождь и потоки.

---

*) Столечникомъ въ народѣ зовутъ скатерть.

**) Осока высокая луговая трава.

Шелъ долговязъ, въ сыру землю увязъ?

Тонокъ, дологъ, голенастъ, а въ травѣ не видать?

На землю падаетъ, отъ земли не отлетаетъ?

Дождь.

Мостится мостъ безъ досокъ, безъ топора, безъ клина?

Ледъ (когда рѣка замерзаетъ).

Стоитъ Ермакъ, на немъ колпакъ: ни шитъ, ни бранъ, ни поярковый?

Снѣгъ на пнѣ.

Въ камнѣ спалъ, по желѣзу всталъ, по дереву пошелъ какъ соколъ полетѣлъ?

Огонь въ кремнѣ, огниво и трутъ.

Ударю я булатомъ по бѣлымъ каменнымъ палатамъ, выйдетъ княгиня и сядетъ на пуховую постель?

Огниво, кремень, искра и трутъ.

Два братца въ воду глядятся, въ вѣкъ не сойдутся? *Рѣчные берега.*

По какой дорогѣ полгода ѣздятъ, да полгода ходятъ?

По рѣкѣ (лѣтомъ ходятъ суда, а зимой ѣздятъ на лошадяхъ).

Въ водѣ родится, а воды боится? *Соль.*

Скороговорки или чистоговорки.

Ихъ заучиваютъ, чтобы наторѣть въ чистомъ и скоромъ говорѣ, и стараются выговорить безъ передышки.

Алъ, лалъ, бѣлъ алмазъ, зеленъ изумрудъ.

На семеро сани по семеро въ сани. Полчетверти четверика гороху безъ червоточенки.

У насъ на дворѣ подворьѣ погода размокропогодилась.

Быкъ тупогубъ, тупогубенькой бычекъ, у быка бѣла губа тупа.

Шли сорокъ мышей, несли сорокъ грошей, двѣ мыши поплоше несли по два гроша.

Свинья тупорыла весь дворъ перерыла, вырыла полрыла, до норы не дорыла.

Летятъ три пичужки черезъ три пусты избушки.

Ползетъ глиста по шесточку, глотни, глиста, песочку.

Не диковинка полубрату сказать про Поликарпа.

Петръ Петровъ по прозванью Перовъ поймалъ птицу писалицу; понесъ по рынку, просилъ полтинку, подали пятакъ, онъ и продалъ такъ.

Шли три пана, три Прокопья пана, три Прокопьевича, говорили про пана, про Прокопья пана, про Прокопьевича.

КОНЕЦЪ.

2011110216